

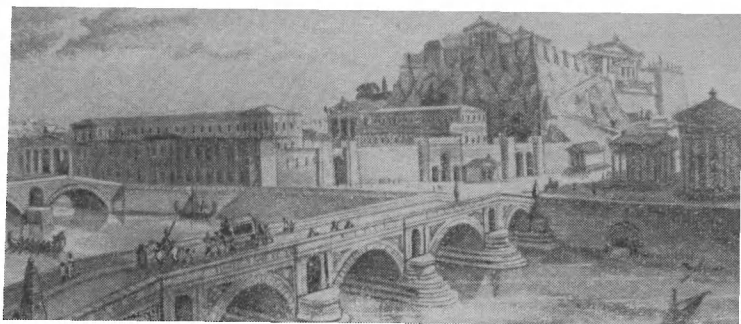
П. КАРЫШКОВСКИЙ

ВОССТАНИЕ СПАРТАКА

П. Карышковский
ВОССТАНИЕ
СПАРТАКА

— 1956 —
Государственное издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва

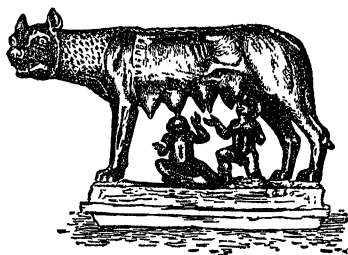

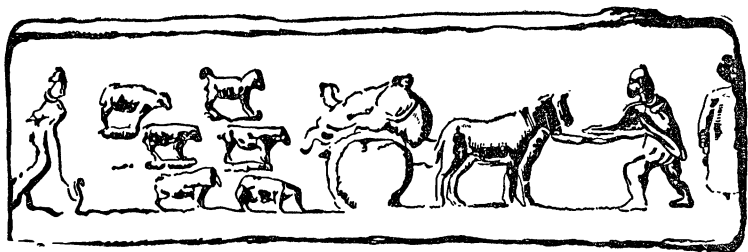
А это этого года на первый взгляд не отличалось ничем особенным. Размеренно текла жизнь Рима — города, вступившего в шестьдесят девятое десятилетие своего существования, столицы крупнейшей рабовладельческой державы Средиземноморья, главного центра роскоши и нищеты во всём древнем мире, средоточия вселенной, как уже начинали называть его поэты. Ещё затемно по плохо вымощенным переулкам гремели неуклюжие телеги крестьян, привозивших на рынок зелень и сыр, мясо и вино, птицу и фрукты. С первыми лучами солнца раздавались голоса булочников и молочников, предлагавших свой товар. Вскоре над домами уже стелился дым очагов, смешиваясь с испарениями, поднимавшимися с берегов Тибра; а затем узкие улицы оживали, наполнялись народом; рос городской гам, в котором причудливо смешивались многие звуки: там тяжело раздавались удары молота по металлу, здесь — звонкие голоса детей, повторяющих уроки, там — визгливый скрежет пилы или равномерное жужжание гончарного круга, тут — цокот конских копыт и лязг железных доспехов, громкая речь прогуливающихся граждан, свист и щёлканье бичей, стук колёс, звон цепей, выкрики скороходов и при-

ставания нищих. Город живёт — трудится и бездельничает, поёт и стонет, умоляет и проклинаят...

И всё-таки что-то произошло, и весть об этом скоро дойдёт до тех, кто ещё ни о чём не знает, и до сенатора в окаймлённой пурпуром тоге, медленным шагом шествующего к центральной части города, и до воина, застывшего на своём посту подобно бронзовой статуе, и до ремесленника, с раннего утра вколачивающего неровные гвозди в толстую подошву, и до модницы, плывущей над толпой в носилках, которые кажутся почти невесомыми, и до тех рабов, которые несут эти носилки и хорошо знают их действительную тяжесть. Да и сейчас, если прислушаться, можно услышать в разговорах многих людей одно и то же слово, произносимое одними с любовью и надеждой, другими с ненавистью и страхом, но никем, пожалуй, равнодушно.

Это слово слышал и ты, читатель, короткое, звучащее, как удар, слово, славное имя — Спартак. Именно о нём, о его отважных сподвижниках, которые ещё в далёкой древности высоко подняли светлое знамя освобождения трудящихся, которые в благородной и самоотверженной борьбе за свободу отдали свою жизнь,— о них написана эта книжка.

I

«Спартак был одним из самых выдающихся героев одного из самых крупных восстаний рабов около двух тысяч лет тому назад. В течение ряда лет всемогущая, казалось бы, Римская империя, целиком основанная на рабстве, испытывала потрясения и удары от громадного восстания рабов, которые вооружились и собрались под предводительством Спартака, образовав громадную армию», — так писал о восстании Спартака великий вождь пролетариата Владимир Ильич Ленин. Против кого же мужественно выступили Спартак и его соратники? Какие причины вызвали эту борьбу?

В I в. до нашей эры большая часть стран, лежащих на берегах Средиземного моря, находилась под властью римлян. Рим, который на протяжении ряда предшествующих веков был одним из небольших государств Апеннинского полуострова, в III и II вв. до н. э. не только завершил подчинение Италии, но и покорил ряд заморских народов, превратившись в огромную и мощную державу. Мелкие государства раздроблённой Греции, Македония, земли иллирийских племён¹ на Балканском полуострове, острова

¹ Иллирийцы — племена западной части Балканского полуострова, на территории нынешней Югославии.

Архипелага, западная часть Малой Азии, богатые земли пынешнего Туниса и частично Алжира, Пиренейский полуостров, южное побережье теперешней Франции, наконец, Корсика, Сардиния и Сицилия — всё это в разное время римляне захватили силой оружия или коварным обманом. Завоёванные земли они рассматривали как свою добычу, расхищали и вывозили богатства этих стран; жители их были бесправны и беззащитны перед произволом римских наместников, откупщиков, ростовщиков и солдат. Кровью и железом было создано бесчеловечное величие сурового Римского государства, символом которого была избрана хищная волчица, вскормившая, согласно преданию, его легендарных основателей.

Что же представляло собой это государство, именовавшееся Римской республикой?

Римская республика, как и все прочие государства тех времён, являлась рабовладельческим государством, благополучие которого было основано на самой безжалостной эксплуатации превращённых различными путями в рабов людей. Во времена, о которых здесь идёт речь, рабовладение господствовало в общественном строе наиболее развитых народов. Несмотря на различия между обществами Средиземноморья и долин Ганга и Хуанхэ, сложившимися в разных условиях и не в одно время, рабы в них одинаково гнули спины под бичами надсмотрщиков и, трудясь до изнеможения, создавали бо́льшую часть необходимых для жизни тогдашнего общества продуктов. Они строили мосты и водопроводы, воздвигали дворцы и храмы, которые являются предметом восхищения потомков.

Рабовладельческий строй, как известно, явился первой в истории человечества формой классового общества — общества, построенного на частной собственности, неравенстве и угнетении, на эксплуатации человека человеком. Рабовладельческий строй был той ступенью, через которую прошла большая часть человечества. По сравнению с предшествовавшим состоянием общества рабовладельческий строй представлял шаг вперёд, так как он открывал возможность роста производительных сил.

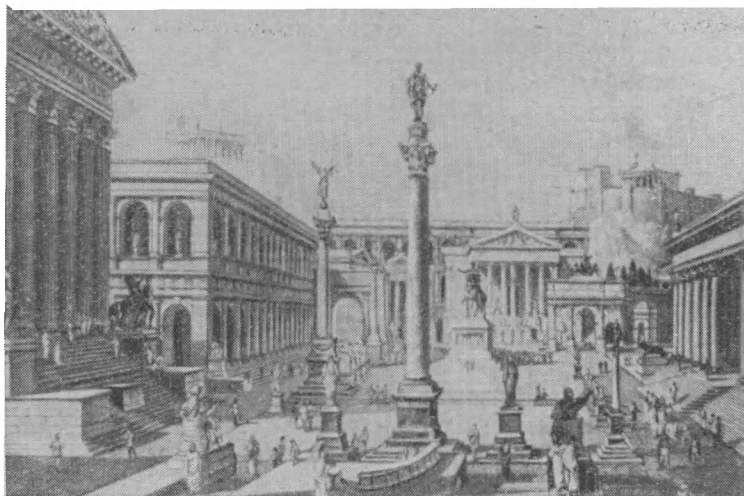
Сущность рабовладельческого строя заключается в том, что собственностью рабовладельцев являются не только земля, орудия производства, скот, дома, но и непосред-

ственные производители — рабы. В рабовладельческом обществе раб не рассматривался вообще как человек, обладающий разумом, желаниями, способностями; он был вещью, точно так же как скотина или любой другой предмет. Законы не признавали за рабами никаких прав. Раб не мог иметь имущества, семьи, не мог быть свидетелем в суде, не имел вообще ничего, что могло бы приблизить его к свободному человеку. За малейшую провинность и даже вовсе без всякой вины, по одной прихоти рабовладельца он мог быть подвергнут любым наказаниям, пыткам и издевательствам. В Риме рабов за ничтожный проступок бросали на съедение рыбам, распинали на крестах, засекали до смерти.

Рабы составляли главную массу трудящихся рабовладельческого хозяйства. В древнем Риме именно рабы трудились на полях и в рудниках, в мастерских и в домах богачей. Рабы и рабовладельцы представляли собой главные противостоящие друг другу классы, и их интересы были противоположны и полностью непримиримы.

Римские рабовладельцы воображали себя владыками вселенной, однако Римская держава представляла лишь небольшую часть тогдашнего культурного мира. На севере и юге, в Европе и в Африке, она соприкасалась с землями независимых племён; на востоке Рим граничил с рабовладельческими государствами — Египтом в Африке, Сирийским, Понтийским и Армянским царствами в Азии, а также с рядом других, более мелких и частично зависимых от римлян государств в Малой Азии. Ещё дальше на восток лежала могущественная Парфянская держава, восточные границы которой доходили до Индии. Индия и Китай, величайшие страны Востока, имевшие к этому времени высокую культуру и прошедшие длительный путь самостоятельного развития, были в ту пору мало известны европейским народам. Только немногие путешественники, побуждаемые любознательностью или жадной наживы, проникали туда с запада и привозили к берегам Средиземного моря невиданные дары природы, замечательные изделия трудолюбивых ремесленников да наполовину баснословные воспоминания о виденном и слышанном...

Среди рабовладельческих государств древности Римская держава была одним из наиболее крупных. Власть

Римский форум (реконструкция)

в ней находилась в руках рабовладельческой аристократии, именовавшейся нобилитетом. Римские нобили, презиравшие всякое занятие, кроме сельского хозяйства и военной службы, владели обширными земельными угодьями, на которых трудились тысячи рабов.

Если главное богатство нобилитета составляла земля, то вторая по своему положению группа римской рабовладельческой знати, так называемые всадники, занималась главным образом торговлей и ростовщичеством. Представители её наживали состояния также и тем, что брали на откуп налоги, что особенно было выгодно в завоёванных землях. Всадники не мирились со своим положением в Римском государстве и не упускали ни одного случая добиться уравниения с нобилиями.

Несмотря на то, что в Римской республике господствующим было крупное землевладение и в крупных поместьях главной рабочей силой являлись рабы, крестьяне продолжали составлять значительную часть её населения. Они владели небольшими участками земли, но иной раз им приходилось и арендовать её у крупных земельных собственни-

ков. Крестьяне, как правило, обрабатывали свои поля собственным трудом, с помощью членов семьи. Рабами же владели только немногие из них.

В республике было значительное число по тому времени крупных городов — Рим, Капуя, Брундиций и многие другие. Большую часть их населения составляли рабы или вольноотпущенники, но немало было и свободных римских граждан, занимавшихся ремёслами, мелкой розничной торговлей или просто ничем. Их материальное положение зачастую было тяжёлым, и многим приходилось зависеть от подачек богачей или государства. Ещё хуже было положение тех, кто не имел ни средств к существованию, ни определённых занятий. А таких в римских городах было очень много.

Перечисленные категории населения Римского государства были не только лично свободными людьми, но и обладали правами римского гражданства. Однако наряду с полноправными гражданами на территории Римской державы проживало немало свободных, но не имевших прав гражданства. К их числу принадлежали прежде всего вольноотпущенники, т. е. бывшие рабы, освобождённые за какие-либо заслуги по завещанию или даже при жизни их владельца, а также выкупившиеся на волю. Вольноотпущенники лишь в немногих случаях получали сразу полную свободу и гражданские права, по большей же части бывший господин сохранял над вчерашним рабом довольно значительную власть — он мог требовать от него выполнения ряда услуг, некоторых денежных платежей и т. п., причём отказ от этих обязательств или простая «непочтительность» могли быть поводом для нового обращения отпущенника в рабство. Только внук освобождённого раба становился совершенно свободным гражданином.

Большинство вольноотпущенников занималось каким-либо ремеслом, но среди них были люди и умственного труда — врачи, художники, литераторы, учителя, а также артисты и музыканты. Некоторые из них добивались богатства и независимого положения, однако в большинстве вольноотпущенники оставались бедняками.

Полностью бесправными политически, хотя и лично свободными, были и жители провинций, т. е. завоёванных римлянами стран. За неуплату налогов или долгов римским

ростовщикам их могли, например, вместе с семьями продать в рабство. Таково же было в течение долгого времени и положение покорённых римлянами племён Италии, так называемых союзников. За несколько лет до восстания Спартакта италийские союзники добились, правда в результате вооружённого выступления, того, что на них были распространены права граждан.

Государственный строй республиканского Рима сложился ещё в те далёкие времена, когда Рим был лишь одним из мелких государств Апеннинского полуострова, когда территория его была незначительна, количество рабов невелико, а сами формы рабства носили ещё патриархальный характер. Государственный строй Рима вполне соответствовал задачам, которые стояли тогда перед республикой, возникшей на берегу Тибра, где немногочисленные граждане знали друг друга в лицо. Он мог обеспечить прочность общественного строя, построенного на эксплуатации рабов и покорённых племён, в рамках небольшого Римского государства и обезопасить границы его от внешних врагов. В соответствии с этим государственный строй Рима принял форму военно-аристократической республики.

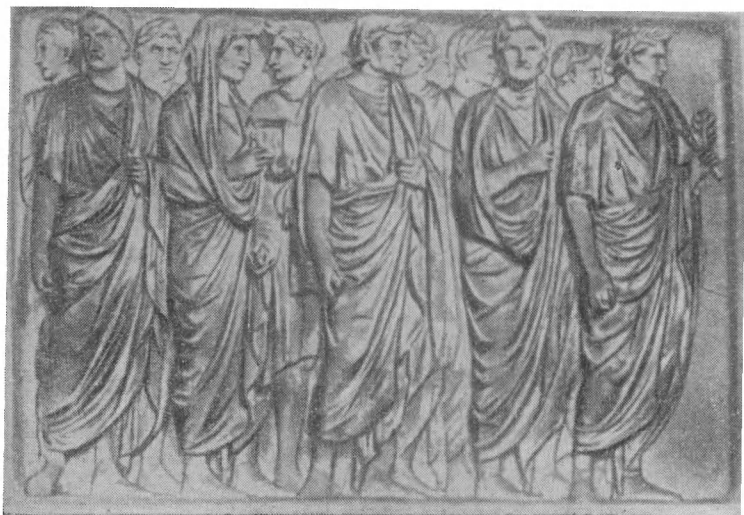
Во главе государства стояли ежегодно избираемые всеми полноправными гражданами должностные лица, облечённые как военной, так и гражданской властью. Это были прежде всего два консула, которые командовали римским войском, созывали сенат и народное собрание и вели их заседания, заботились о порядке и соблюдении законов и т. п. Внешним признаком их власти было право появляться в сопровождении стражи из двенадцати ликторов, которые несли по связке прутьев каждый; это означало, что консулам принадлежит право подвергать граждан наказанию. При выходе за черту города в эти связки втыкались топорики — символ власти консула над жизнью и смертью граждан. Второе место среди римских должностных лиц занимали преторы, которые были облечены главным образом судебной властью, хотя им давались при необходимости военные поручения. За пределами города преторы имели стражу из шести ликторов со связками прутьев и топориками. Ещё на ступень ниже стояли эдилы, ведавшие внутригородским благоустройством, снабжением города Рима съестными припасами, устройством обществен-

пых развлечений и т. п. Наконец, финансами республики ведали квесторы; эта должность считалась обычно началом служебной карьеры.

Ни на одну из этих должностей нельзя было попасть, не принадлежа к узкому кругу римских нобилей. Замкнутая каста нобилей строго охраняла свои привилегии и в области государственного управления. На протяжении последних веков Римской республики все мало-мальски важные должности замещались членами очень ограниченного круга знатных семей, и хотя между ними были свои счёты и свои противоречия, но все аристократы были единоклубны, когда речь шла о том, чтобы не допустить в свою среду разбогатевшего простолюдина. И это становится вполне понятным, если принять во внимание, что в то время римские государственные должности давали доступ к высшим военным должностям и к сулившим не меньшие возможности лёгкой наживы постам в провинциальном управлении.

Особое место занимала в республиканском Риме возникавшая ещё в глубокой древности должность народного трибуна, считавшегося защитником рядовых свободных граждан. Трибуны тоже избирались на год, причём права их были весьма широки. Трибун не имел, правда, строго определённых обязанностей, но мог приостановить своей властью выполнение любого распоряжения других должностных лиц, если они ущемляли права граждан. Трибун имел также право предлагать народному собранию проекты законов. Личность народного трибуна считалась священной, и всякое покушение на него рассматривалось как преступление и кощунство.

Должностным лицам Рима принадлежала значительная власть, но главным органом республики был сенат. В его состав входили бывшие консулы и другие должностные лица до квесторов включительно, народные трибуны, а также немногие представители самых знатных семей, которые в прошлом не несли никаких общественных обязанностей. Сенат был органом нобилитета и действовал в тесном контакте с должностными лицами, которые в конце концов вливались в его состав. В древнейшую пору сенат утверждал все решения народного собрания, но даже и в конце Республики его права были велики, а круг подведом-

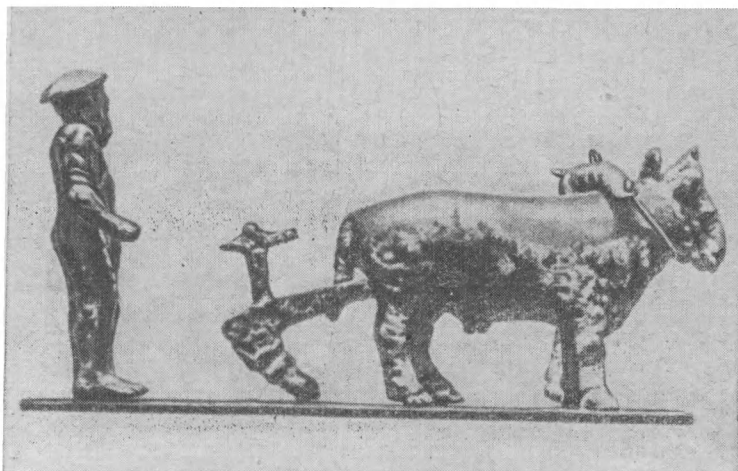

Римские сенаторы (рельеф)

ственных ему вопросов — очень широк. Сенат отдавал распоряжения о сборе войска, ведал внешней политикой, управлял государственным имуществом и финансами, контролировал всю деятельность государственных органов.

По сравнению с сенатом роль народных собраний была невелика, хотя формально от народного собрания зависело объявление войны, заключение мира, избрание должностных лиц, утверждение законопроектов, но на деле все эти вопросы предreshались в сенате. Значение народных собраний умахалось и сложной системой голосования, которая менялась в зависимости от характера вопроса. Всё это открывало широкий простор для подкупа членов народного собрания и для всяких тёмных предвыборных махинаций.

Для управления маленькой республикой, территория которой первоначально сводилась к самому городу Риму и его окрестностям, этот государственный строй себя оправдал. Но для управления захваченными областями он не был приспособлен. В провинции направлялся один из консулов или преторов прошлого года, который оставался там на год, а порой и на несколько лет. Так как бесконтрольное

Итальянский землепашец (бронзовая статуэтка)

управление провинциями давало очень большие выгоды, для многих захудалых римских аристократов получение консульской или преторской должности было лишь мостом к получению тёплого местечка в провинции.

Всё здание Римской державы целиком покоилось на эксплуатации и гнёте. Кучка рабовладельцев, присвоив огромные богатства и эксплуатируя сотни тысяч рабов, жила в сказочной роскоши. Дополнительные средства давали им ограбление провинций и завоевательные войны. Между тем даже среди полноправных римских граждан было множество бедняков, которые несли все тяготы дальних военных походов и разорялись, не выдерживая конкуренции с дешёвым трудом рабов. Не случайно поэтому рабовладельческий Рим вступает ещё лет за пятьдесят до восстания Спартака в период небывалого прежде обострения всех внутренних противоречий, в период вооружённого столкновения враждебных классов. Римское государство переживало тяжёлый кризис: республика нобилей с каждым десятилетием всё яснее обнаруживала неспособность справиться со своей основной задачей — задачей предупреждения и подавления всех опасных проявлений недовольства

эксплуатируемых, всех их попыток ниспровергнуть строй, покоившийся на рабстве.

Описываемые ниже события произошли в Италии¹, которая являлась центральным ядром Римской державы. Плодородные земли и мягкий климат Италии создавали очень благоприятные условия для развития сельского хозяйства. В долинах, орошаемых реками, жители с древнейших времён занимались хлебопашеством и огородничеством, на склонах невысоких холмов разбивали виноградники или сады. Однако с течением времени выращивание хлебных злаков сделалось менее выгодным, чем виноградарство и огородничество, так как Рим стал получать много хлеба в качестве налога с подвластных ему стран. На юге большое распространение имела маслина. Из её плодов выжимали масло, которое употреблялось не только в пищу, но и шло для многих других целей. В горных и маловодных областях юга преобладающей отраслью хозяйства было скотоводство; разводили коров, овец, коз, свиней. Немалое значение имели пчеловодство и рыболовство.

Ко II—I вв. до н. э. сельское хозяйство римлян во многом преодолело первоначальную хозяйственную замкнутость и было тесно связано с рынком. Города являлись центрами ремесла и торговли. Умелые мастера изготавливали сельскохозяйственные орудия, посуду, одежду, оружие. Всё это было необходимо сельскому населению, и, так как города в свою очередь нуждались в сельскохозяйственных продуктах и в сырье, торговля была уже обычным делом. Такой большой город, как Рим, не мог бы и существовать, если бы туда не привозили зерно, овощи, вино, не пригоняли скот и т. п. Поэтому богатые рабовладельцы стремились при покупке земли не только приобрести участок в здоровой, достаточно снабжённой водой местности, но и прикидывали, есть ли поблизости крупный город или море, или река, по которой ходят суда, или оживлённая дорога.

Все выгоды от растущей внутренней торговли получали крупные землевладельцы. В то время как мелкие крестьян-

¹ В древности под этим названием понимали не всю территорию современного Итальянского государства, а только ту его часть, которая находится на Апеннинском полуострове.

ские хозяйства лишь с трудом могли приспособиться к изменившейся обстановке и не имели средств, чтобы перестроить свои хозяйства, богатые собственники покупали десятки и даже сотни рабов, захватывали пустующие земли, не останавливались и перед насильственным вытеснением крестьян и создавали крупные поместья, основанные на труде рабов. Крестьянские хозяйства не выдерживали конкуренции с ними и зачастую разорялись.

Немалое значение приобрела в тот период и внешняя торговля. Из завоёванных Римом областей в Италию непрерывным потоком шли различные товары; частью это была захваченная при завоевании добыча, частью — поступления в счёт налогов, но всё более ширилась и торговля. Остров Сицилия был поставщиком хлеба, из Испании везли металлы, шерсть, из Африки — зерно, финики, шкуры диких зверей, слоновую кость, диковинных животных. Больше всего Рим получал с Востока. Даже из обнищавшей под ярмом завоевателей Греции везли художественную посуду, статуи, ткани; из Малой Азии римляне получали шерсть, керамику, металлические изделия. Наконец, из всех покорённых стран на рабские рынки везли рабов: квалифицированных ремесленников, опытных садоводов, искусных поваров, учителей и танцовщиц и просто людей без всякой профессии. Тут были темнокожие африканцы, белокурые галлы¹, смуглые сирийцы, рослые германцы, сухощавые уроженцы Испании и многие, многие другие... Торговля рабами была особенно выгодна: даже если половина захваченных в плен погибала, прежде чем добычу удавалось реализовать на ближайшем невольничьем рынке, вырученные за остальных деньги с избытком покрывали расходы.

На невольничьи рынки, главный из которых был расположен на острове Делос в Эгейском море, регулярно поступали на продажу всё новые и новые партии живого товара. Работоторговцы скупали пленных в тылу римского войска, объезжали земли соседних племён и мелких государств и выменивали у вождей и царей их подданных. Закупленную добычу свозили в специальные места, сортировали и затем отправляли на рынки. Здесь их помещали

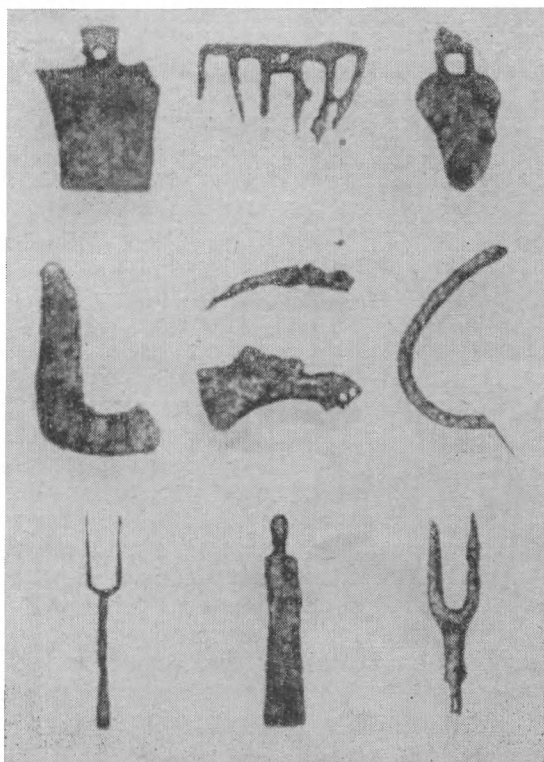
¹ Галлы — древнее население Франции.

в тесной клетке, откуда выводили поодиночке на помост и выставляли напоказ с выбеленными мелом ногами и с табличкой на шее, где были обозначены происхождение, возраст, способности и навыки раба, а также его цена. При продаже рабов заставляли раздеваться, показывать мускулы, поднимать тяжести, прыгать, а грамотных и образованных — читать вслух или декламировать стихи. Покупатель имел право получить у купца и сведения о характере раба — не покушался ли он на самоубийство или на бегство, не имеет ли каких скрытых недостатков и т. д. Но вот, наконец, гнусная сделка свершена, и новый хозяин пересчитал своих невольников; пора отправляться в путь — на рудники, на поля, в мастерские, на непосильный труд далеко от родины, от близких и родных... Даже соотечественника не всегда можно было рассчитывать встретить: принципом рабовладельцев было не допускать скопления в одном хозяйстве земляков и единоплеменников. Это не без основания считалось опасным. Каждый стремился иметь рабов, не понимавших друг друга, принадлежавших к разным народностям и религиозным верованиям: среди них легче было сеять рознь, легче было подчинить и заставить беспрекословно трудиться на хозяина...

У римлян главную массу рабов составляли военнопленные и люди, захваченные и проданные в рабство пиратами, а также проданные займодавцами несостоятельные должники и члены их семей.

Хотя в глазах римских рабовладельцев все рабы были одинаково бесправны, на практике положение различных групп рабского населения Рима было различным. Сравнительно сносной считалась жизнь пастухов. По условиям своего труда они пользовались относительной свободой, передвигаясь с господскими стадами по горам и долинам Италии. Рабы-пастухи не были ограничены в пище, имели необходимую одежду, порой располагали даже оружием, необходимым для защиты от диких зверей или разбойников. Находясь по большей части вдали от хозяев, они имели меньше случаев вызвать их гнев и расправу, а при бережливости и удаче могли и накопить к старости сумму, необходимую для выкупа. По сравнению с ними положение рабов, занятых в крупных поместьях и особенно в рудниках, было чрезвычайно тяжёлым.

Сельскохозяйственные рабы жили в специальных помещениях, которые находились наполовину под землёй; окна в них были расположены так высоко, что до них нельзя

Римские сельскохозяйственные орудия (из Помпей)

было дотянуться рукой, и так малы, что через них не пролез бы и ребёнок. Впрочем, для рабов, которых можно было подозревать в намерении убежать, хозяева имели про запас колодки, кандалы, цепи, шейные рогатки. Остальным рабам на шею часто надевали железный наглухо заклёпанный ошейник с именем владельца; с ним далеко

не уйдёшь! С пойманными беглецами расправа была коротка: кроме побоев и всевозможных издевательств им обычно накладывали на лоб клеймо раскалённым железом.

Во время работы на поле за рабами присматривали специальные надсмотрщики; окриками и ударами подгоняли они нерадивых или выбившихся из сил. Кормили рабов однообразной и малопитательной пищей, да и той часто давали недостаточно. Иногда рабам выдавали одно только немолотое зерно, из которого они должны были, урывая время из отдыха, и без того слишком короткого для восстановления сил, сами готовить себе пищу. Одежда рабам если и выдавалась, то самая грубая; обычно считалось достаточным давать попеременно рубашку и плащ через год, причём изношенные лохмостя отбирались — из них можно было ещё сделать для тех же рабов лоскутные одеяла. В летнее время обуви не полагалось, зимой выдавались деревянные башмаки — одна пара на сезон.

Так как цена на рабов была в период расцвета Римского государства очень невелика (раб-чернорабочий обходился порой дешевле лошади и даже вола), то рабовладельцы проявляли полное пренебрежение к здоровью своих невольников. Заболевшего раба старались сбыть, так как лечить его было невыгодно: ведь основной принцип рабовладельческого хозяйства состоял в том, чтобы в возможно короткий срок выжать из рабов как можно больше труда. Если бедного хозяина, имевшего считанных рабов, жизнь заставляла порой отступать от этого правила, то владельцы крупных поместий последовательно претворяли его на практике, выматывая силы рабов непосильной работой и безжалостно обрекая их на преждевременную гибель.

Если можно представить себе участь ещё более безрадостную, чем судьба сельского раба, то это, несомненно, положение рабов, попавших в рудники. Там, где дело касалось добычи металлов, и в особенности благородных — золота и серебра, эксплуатация рабов принимала особенно жестокие формы. Грек Диодор указывает, что на рудниках, где добывалось золото, «все закованы и принуждаются к работам день и ночь, без отдыха, и охраняются с такой тщательностью, что у них отнята надежда на побег». Здесь

Рабы, несущие на носилках навоз для удобрения полей (мозаика)

для всех находилась работа: в подземных, освещённых лишь тусклыми светильниками галереях молодые и сильные рабы под непрерывными ударами бичей ломали твёрдую породу, дети и подростки выносили обломки наверх, где более пожилые дробили их в каменных ступках. Женщины и старики должны были молоть размельчённую золотоносную породу на жерновах. «Так как они не могут вовсе следить за своим телом, а также не имеют одежды, чтобы прикрыть наготу, нет никого, кто бы, видя этих несчастных, не был тронут,—пишет названный выше греческий историк,— ибо им

не дают пощады и не делают снисхождения ни дряхлым, ни калекам, ни женщинам... Все безразлично принуждены ударами кнута работать до тех пор, пока, полностью истощённые усталостью, они не умирают от нужды». Неудивительно поэтому, что рабы, занятые в рудниках, неоднократно пытались поднять восстания против своих угнетателей.

Своеобразное положение занимала среди рабов многочисленная челядь, сосредоточенная в домах богатей. Римская знать выставляла напоказ своё богатство, показателем которого считалось и множество прислуги. В аристократическом доме были свои повара, ключники, пекари, кондитеры, судомойки, многочисленные комнатные слуги, нарезальщики мяса и хлеборезы, дегустаторы блюд, банщики, парикмахеры, шуты, музыканты, привратники, садовники, носильщики, конюхи, рабы, несшие перед господином фонарь или факел в ночное время, и слуги, державшие над ним зонтик, защищавший от солнца; изобретательность в этом отношении была почти неисчерпаема. У некоторых были свои рабы — библиотекари, чтецы, секретари, даже стихотворцы и воспитатели детей.

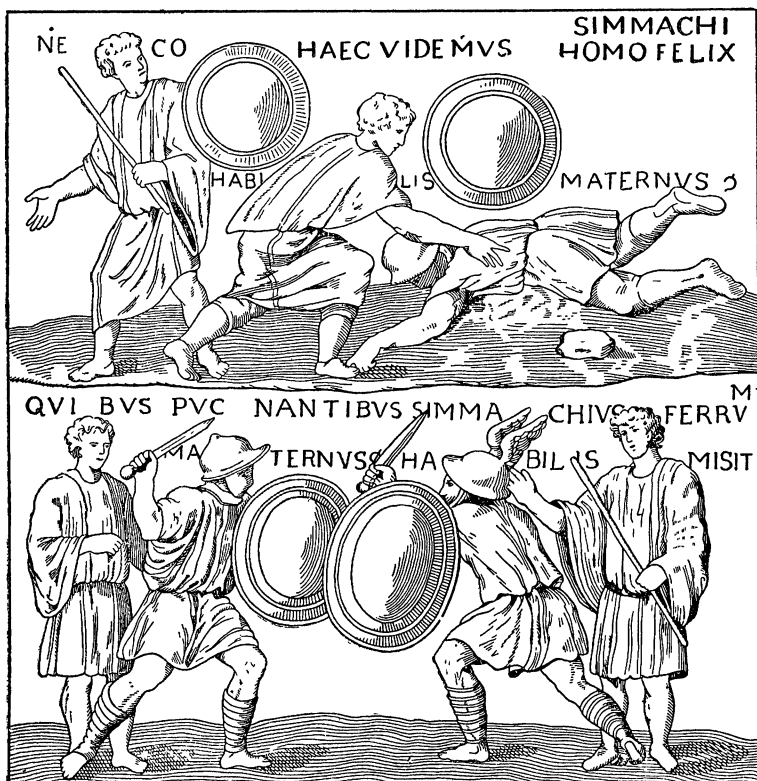
Значительная часть этой массы рабов находилась в более или менее сносных материальных условиях, но зато всё время подвергалась опасности попасться не вовремя на глаза хозяину или под его тяжёлую руку. Часть из них низкой лезтьёю и самым грязным угодничеством втиралась в доверие к господам, некоторые даже становились в конце концов всесильными фаворитами. Для основной же массы домашней челяди пребывание под одной крышей с хозяевами обходилось дорого: редкий день в богатом доме проходил без того, чтобы провинившийся раб или неугодившая чем-либо господам рабыня не подверглись жестокому побоям или другим варварским издевательствам.

В сравнении с перечисленными категориями рабов количество невольников, занятых в ремесле, было относительно невелико. Даже в самом Риме во II—I вв. до н. э. сравнительно мало было крупных ремесленных мастерских, где работали рабы. В мелких мастерских, где сам хозяин трудился вместе с рабами, им было немного легче: здесь была и надежда на то, чтобы, овладев в совершенстве какой-либо профессией, выйти на оброк, т. е. открыть свою

мастерскую и трудиться на свой страх и риск, уплачивая хозяину определённую плату или долю доходов. Действительно, иногда владельцы считали выгодным для себя предоставить высококвалифицированным мастерам-рабам известную самостоятельность, хотя бы и на время. Из таких рабов-ремесленников довольно большая часть добивалась в конце концов свободы и вливалась в ряды вольноотпущенников.

К концу II в. до н. э. завоевания отдали под власть Рима большую часть средиземноморских стран. В Италию за короткое время было ввезено из завоёванных стран очень большое число рабов, в связи с чем положение рабов в Италии резко ухудшилось: человеческий товар стал дешёв, и рабовладельцы стремились как можно скорее не только вернуть затраченные на покупку раба средства, но и получить максимально большую прибыль.

Нестерпимый гнёт, бесчеловечная эксплуатация, невероятно тяжёлые условия жизни, полное бесправие — всё это толкало рабов, несмотря на их разобщённость, неорганизованность, темноту и подавленность своей участью, на выступления против рабовладельцев. Характер и форма этих выступлений были различны. Рабы убегали от своих хозяев, иногда объединялись в вооружённые отряды и мстили угнетателям, иногда захватывали корабли и объединялись в грозные пиратские эскадры, опустошавшие берега Средиземного моря, грабившие корабли, а порой делавшие сообщение между отдельными странами опасным и даже положительно невозможным. Бывали случаи, когда восставшим рабам удавалось организовать и объединить свои силы, и тогда мощные восстания охватывали целые страны, потрясая основы всего строя. В Риме они особенно усилились во II в. до н. э. Жадность и жестокость римских рабовладельцев уже в первые годы II в. до н. э. привели к тому, что в окрестностях города Сетии вспыхнуло вооружённое восстание. Римский сенат немедленно отправил на место событий отряд войск, и движение было подавлено. Через три года отмечается, однако, новая попытка восстания, и на этот раз в Средней Италии, а ещё десятилетием позже — на юге. Но все эти вспышки отступают на задний план по сравнению с освободительной войной сицилийских невольников, которая не затухала на протяжении нескольких лет.

Сражение гладиаторов (роспись из Помпей)

Во II в. до н. э. остров Сицилия занимал особое место среди римских владений. Захваченная римлянами ещё в III в. эта провинция служила столетием спустя житницей Италии, именно отсюда снабжался хлебом, в частности, город Рим с его всё растущим населением. Лучшие земли Сицилии, славившиеся своими природными богатствами, были захвачены римскими гражданами, которые либо создавали на них свои рабовладельческие имения, либо пасли огромные стада скота. Хлебопашество ввиду низких цен на хлеб и принудительного вывоза зерна в Рим оказы-

валось менее выгодным и скоро сосредоточилось на юго-востоке, а остальная часть острова стала постепенно превращаться в пастбище. Задавленные беспощадными налогами, крестьяне разорялись и уходили куда глаза глядят, если только римские ростовщики не успевали обратить их в рабов за долги.

Сицилийские рабовладельцы стремились возместить падение своих доходов варварским отношением к рабам, почти совершенно не заботились об их пропитании и одежде. Доведённые до отчаяния, рабы поднялись в конце концов на борьбу. Вождём их стал раб — сириец Эвн. Он пользовался среди своих сотоварищей по рабству значительной известностью и уважением; ему приписывалась способность угадывать будущее, его предсказаниям верили, к нему обращались с различными делами за советом и помощью. Во главе нескольких сотен рабов Эвн захватил город Энну. Рабы перебили наиболее свирепых владельцев, но пощадили тех, кто не запятнал себя особой жестокостью. После этого Эвн был избран царём, а из наиболее выдающихся повстанцев было организовано правительство. Вскоре были созданы вооружённые отряды общей численностью в несколько тысяч воинов. Несмотря на недостаток вооружения (некоторые из рабов сражались камнями, дубинами, обожжёнными на огне кольями), отряды восставших стали распространяться по Сицилии, одерживая победу за победой.

Когда слух об успехах восстания в центре острова достиг юго-западного побережья, долго таившаяся ненависть рабов к угнетателям нашла и здесь свой выход. Под руководством киликийца Клеона рабы напали на город Агригент и захватили его. Когда Клеон признал над собой власть царя Эвна, пламя восстания охватило едва ли не всю Сицилию.

Восстание сицилийских рабов было направлено против крупных рабовладельцев, как римских граждан, так и сицилийских греков. Простой свободный люд относился к повстанцам с сочувствием, так как они не разрушали мелких хозяйств крестьян и, говоря словами древнего историка, «не трогали тех, кто продолжал заниматься земледелием». Таким путём рабы обеспечили поддержку свободной бедноты, а сами получили источник для содержания своих отрядов.

Сицилийское восстание рабов продолжалось несколько лет (138—132 гг. до н. э.). Лишь на четвёртом году «невольнической войны» на острове наметился перелом. После долгой осады римляне взяли важную крепость Тавромений; вскоре пала Энна. Клеон пал в одном из сражений, а Эвн окончил свои дни в тюрьме. Так закончилось первое крупное восстание рабов. Оно вызвало отклики во многих местах Римского государства. Самым крупным было выступление рабов и свободной бедноты в Малой Азии, направленное против римских и местных рабовладельцев. Одновременно происходили или назревали волнения и на острове Делосе, и в Аттике, и в самой Италии.

В 104 г. до н. э. в Сицилии разразилось новое не менее мощное, чем первое, восстание рабов. Его возглавил раб Сальвия. Восставшие рабы в течение пяти лет успешно боролись против римлян. Лишь с большим напряжением сил последним удалось подавить восстание.

Следует, однако, отметить, что даже во время крупных восстаний рабы не имели никакой ясной перспективы, у них не было чётко сформулированной программы. Очень трудно было преодолеть противоречия интересов и между самими рабами, среди которых были самые разнообразные люди: искусные мастера и чернорабочие; родившиеся и выросшие в неволе и только недавно попавшие в рабство; уроженцы дальнего Запада и крайнего Востока. Племенная и религиозная рознь, различие языков и обычаев также делили своё дело. Наконец, размах рабских восстаний ослаблялся ещё и тем, что против них, как правило, выступали все группы рабовладельцев. История древнего мира знает примеры, когда воюющие государства прекращали военные действия, чтобы совместно обратиться против восставших рабов или предупредить их выступление. Трудно было найти помощь у свободных даже и беглому рабу-одиночке, а когда группа рабов решалась взяться за оружие, только немногие из числа свободных осмеливались поддержать их и тем более присоединиться к ним.

Серьёзным подспорьем в борьбе рабов были волнения жителей провинций, выступления римских союзников, борьба крестьян за землю, распри в лагере рабовладельцев.

Не случайно самое крупное и наиболее грозное для рабовладельческого Рима восстание рабов — восстание под руководством Спартака — произошло в период исключительно острых столкновений различных классов и социальных групп Римской державы, совпавших по времени с войнами на её рубежах.

Едва успев подавить восстание рабов в Сицилии, Рим снова был вынужден напрячь все свои силы: в 90 г. до н. э. римские союзники, окончательно потеряв надежду на мирное получение прав римского гражданства, поднимаются против Рима. Италия становится ареной кровопролитной схватки, затянувшейся на несколько лет. Римлянам пришлось пойти на уступки: права были даны сначала сохранившим верность, а затем и тем, кто готов был сложить оружие. Только к 87 г. до н. э. глава нобилей Сулла подавил последние очаги сопротивления.

В эти же годы пришёл в движение и Восток. Измученное римскими поборами и насилиями, население Малой Азии и Греции поддерживало завоевательную войну понтийского царя Митридата ¹ против Рима. Войска Митридата, укрепившись в Малой Азии, двинулись в Грецию, где на их сторону стали переходить все, кто в той или иной степени пострадал от римлян. Римскому господству на Востоке грозила серьёзная опасность: понтийский царь жестоко расправлялся с римскими гражданами, а население занятых им римских провинций освобождал от налогов. На Востоке назрела война.

В самом же Риме в это время резко обострилась борьба за власть. Часть римских рабовладельцев, называвших

¹ Понт — небольшое рабовладельческое государство в юго-восточной части Черноморского побережья. Митридат, расширив Понтийское царство за счёт завоевания Колхиды и присоединения греческих рабовладельческих государств Северного Причерноморья, начал войны против Рима. Хотя целью понтийского царя было вытеснение римлян с Востока и создание собственного крупного царства, широкие массы населения римских провинций видели в нём вначале долгожданного избавителя от ига рабовладельческого Рима. Войны закончились через несколько лет после гибели Спартака поражением Митридата и присоединением Понтийского царства к римским владениям (63 г. до н. э.).

*Римская монета
с изображением Суллы
(увеличено)*

себя оптиматами, т. е. лучшими, вела жестокую борьбу за власть с другой группой рабовладельцев, которые именовались популярями. Начавшаяся на Востоке война против Митридата позволила главе оптиматов Сулле совершить, опираясь на армию, государственный переворот и жестоко расправиться со своими врагами и их сторонниками. Но не успели ещё руководимые Суллой войска высадиться на Балканах, как власть в Риме перешла в руки его противников. Но антисулланский блок,

состоявший из различных общественных сил — плебса, всадничества, даже части нобилитета, — не смог закрепиться у власти и опереться на поддержку всего народа. Разбив в ряде сражений войска Митридата и спешно заключив с ним мир, Сулла вернулся в Италию и в результате краткой, но очень напряжённой и кровопролитной войны снова захватил власть (83 г. до н. э.).

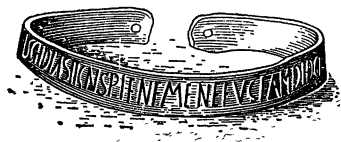
Новое правление реакционной верхушки нобилитета ознаменовалось невиданной в Риме резнёй и ограблением политических противников. Все неугодные Сулле и его ближайшему окружению лица вносились в специальные списки. Тот, чьё имя стояло в подобном списке, считался приговорённым к смерти, имущество его подлежало конфискации, за исключением той части, которая становилась добычей убийцы осуждённого. В течение нескольких месяцев волна террора унесла всех, кто мог бы воспротивиться установлению власти Суллы, и он был провозглашён диктатором. Проведённые в этот период меры ясно показывают, чьи интересы выражала сулланская диктатура: сенат был пополнен его сторонниками, избирательная система преобразована в интересах нобилитета, права народных трибунов почти совсем уничтожены.

После смерти Суллы (78 г. до н. э.) нобилитет стремился сохранить сулланские порядки, хотя новый диктатор и не был назначен. Демократические силы попытались было вы-

ступить против реакционного режима сторонников Суллы, но движение в Италии было быстро ликвидировано. В Испании, однако, прочно укрепились враги Суллы. Во главе их стоял выдающийся полководец и организатор Серторий, который сумел сплотить как остатки римских демократов, так и верхушку испанского населения. Так как движение в Испании грозило охватить другие области, к 76 г. против Сертория была направлена большая армия, командование которой сенат поручил Помпею — богатейшему землевладельцу Южной Италии. Однако и войска Помпея терпели в первые годы войны в Испании поражения.

Накануне спартаковского восстания положение на Востоке ещё больше обострилось. После смерти царя одного из небольших царств Малой Азии римляне, которые хотели занять его владения, опять столкнулись с Митридатом. Заключив союз с Серторием, понтийский царь занял спорную территорию и перенёс войну в пределы римских владений (75 г. до н. э.). На Восток были двинуты войска обоих консулов, но Митридат разбил одного из них и занял берега Мраморного моря. В своей борьбе против Рима Митридат опирался на союз с Арменией, в ту пору крупным и сильным государством.

Таким образом, конец II и начало I в. до н. э. ознаменовались обострением до предела всех внутренних противоречий в Римской державе. Неуклонно и неумолимо приближался рабовладельческий Рим к периоду восстаний и потрясений, к периоду жестоких и кровопролитных гражданских войн, затянувшихся почти на целое столетие. Одной из самых решительных схваток в ходе этих гражданских войн было восстание рабов, во главе которого стоял гладиатор Спартак.

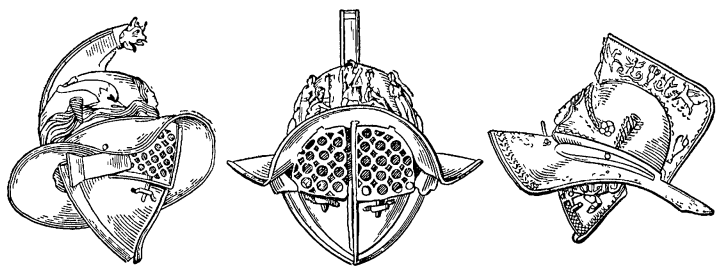

II

Ни в чём, быть может, не проявлялись так открыто пресыщенная жестокость рабовладельцев древнего Рима, равнодушное презрение к рабам, их потребностям, интересам и самой жизни, как в организации гладиаторских боёв. Без этого кровавого зрелища не проходило в Риме ни одно общественное празднество, ни одно сколько-нибудь крупное событие: магистраты устраивали их от имени государства по случаю победы над врагом, захвата новой области, подчинения нового племени; частные лица организовывали гладиаторские бои в память о близких и обязывали своих наследников помянуть их подобным же образом.

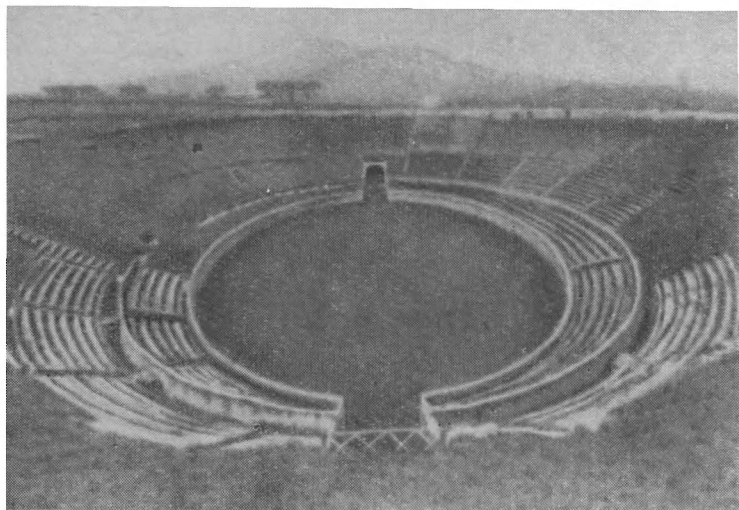
В настоящее время трудно представить себе, что народ, поднявшийся до столь высокой степени цивилизации, как римляне, мог на протяжении столетий находить едва ли не главное своё общественное развлечение в организованном убийстве ни в чём не повинных людей—убийстве массовом, продуманном и притом издевательски-циничном. Гладиаторские бои — это смертельные поединки специально обученных рабов, происходившие публично, на аренах цирков перед многочисленной публикой, со знанием дела следившей за схваткой обречённых на смерть актёров этого чудовищного спектакля. Но в мире, построенном на рабстве, кровь раба ценилась недорого...

Гладиаторские бои (название их происходит от латинского слова *гладиус* — меч) — римляне, впрочем, называли их играми — зародились из варварских человеческих жертвоприношений, которые совершали на заре своей истории почти все народы над могилами своих вождей. Но если у других племён рабов, обречённых в жертву, убивали дружинники умершего предводителя, то в древней Италии пленных врагов или просто рабов заставляли убивать друг друга. Постепенно из этого вырос обычай устраивать на похоронах знатных римлян бои, в которых сражались уже не отдельные бойцы, а целые отряды. По мере увеличения числа рабов и роста Римской державы эти кровавые «игры» стали устраивать чаще, и не только на похоронах знати, а и по другим случаям. В конце II в. до н. э. гладиаторские бои были узаконены; отныне организация их стала обязанностью должностных лиц Римской республики, которые, соперничая друг с другом, довели число сражающихся от нескольких пар до нескольких сотен пар. Зрелище пришлось по вкусу привыкшим к войне римлянам. В I в. до н. э. гладиаторские битвы устраивались уже не только в Риме, но и в других городах Италии — разумеется, реже и при меньшем числе участников.

Гладиаторские шлемы (из Помпей)

Гладиаторские «игры» тщательно подготовлялись. Желая угодить извращённому вкусу ценителей такого рода зрелищ, рабов не просто выводили на арену на убой; их специально обучали, а чтобы продлить и разнообразить борьбу, гладиаторов заставляли сражаться вооружёнными различным оружием. Гладиаторские шлемы, нагрудники, наплеч-

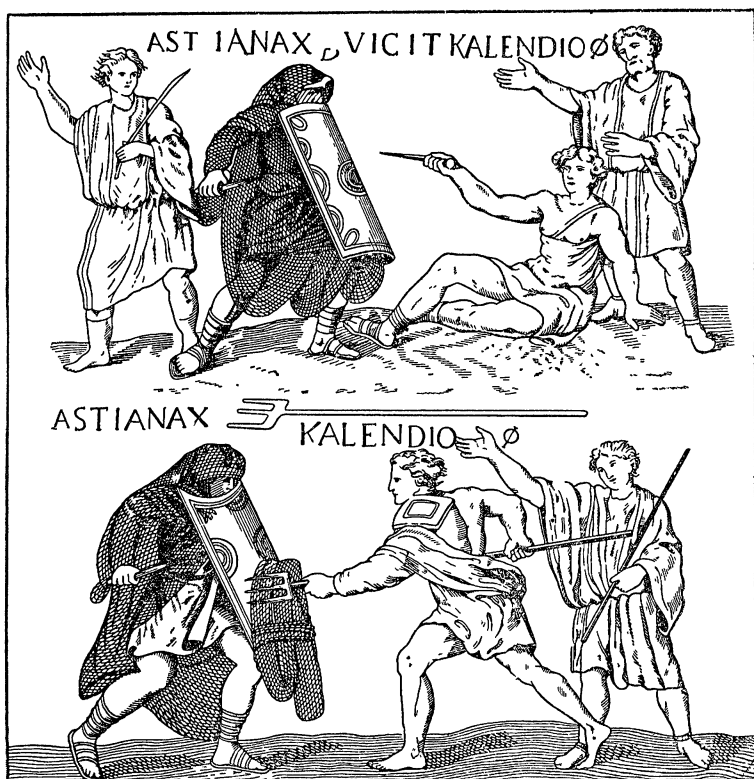

*Амфитеатр для гладиаторских сражений в Помпеях
(на горизонте — гора Везувий)*

ники и щиты были часто недостаточны — они прикрывали обречённых лишь настолько, чтобы им нельзя было нанести с первого удара смертельную рану, но намеренно оставляли незащищёнными большие участки тела: вид крови волновал зрителей и повышал интерес к борьбе... За основу вооружения гладиаторов были приняты доспехи и оружие различных племён, с которыми приходилось сталкиваться римлянам. Чаще всего это был фракиец ¹ в шлеме с покрывавшим лицо забралом и сильно выступавшим козырьком, в высоких поножах, с небольшим круглым щитом и кривым мечом, против которого выступал самнит ² с большим щитом и с прямым коротким мечом. Чтобы затянуть борьбу, в шлеме первого делали иногда слишком узкие смотровые щели, а его поножи были непомерно высоки и стесняли движения. Самниту в свою очередь давали специально утяжелённый щит и укороченный меч. Другую излюбленную

¹ Фракией называлась в древности нынешняя Болгария.

² Самниты — итальянское племя, которое вело долгую и упорную войну против римского завоевания.

Сражение гладиаторов (роспись из Помпей)

пару бойцов составляли галл в шлеме с длинным мечом и ретиарий, вооружённый лишь прочной сетью (по-латыни рете, откуда и его название) и лёгким трезубцем: он должен был опутать и свалить своего неповоротливого противника, прежде чем мог надеяться нанести ему смертельную рану. Таким образом, чтобы разнообразить ощущения зрителей, рабы ставились в неодинаковые условия.

Выходя на арену, гладиатор становился центром внимания жадно глазевшей толпы. Ещё до начала поединка рассматривали его фигуру, осанку, вооружение, манеру держать себя перед противником. Гладиатор должен был не

просто отдать свою жизнь, он был обязан сражаться со знанием дела, смело, увлекательно, красиво. Это создавало некоторую видимость надежды сохранить жизнь даже в случае поражения. По обычаю, победитель обращался к зрителям, и они решали судьбу побеждённого; заслужив их внимание, brave, отважный и хладнокровный боец мог рассчитывать на пощаду, но горе было трусу или неуклюжему увальню — его без жалости добивали тут же на песке арены, уже пропитанном его кровью.

Для того чтобы подготовить гладиатора, который соответствовал бы извращённым вкусам зрителей, требовалось немалое время. Но за хорошо обученного гладиатора можно было дорого взять; поэтому подготовкой гладиаторов занимались многие. В Риме и других городах Италии существовали специальные школы-казармы, в которых содержались и обучались гладиаторы. Главную их часть составляли рабы, но среди гладиаторов находим и осуждённых преступников, и даже отчаявшихся, опустившихся свободных людей, в силу нужды продавших самих себя хозяину гладиаторской школы.

Во время пребывания в школе гладиаторов кормили досья, но все их дни проходили в постоянных упражнениях, гимнастике, фехтовании и т. д. В школах существовала исключительно строгая палочная дисциплина, и находившиеся в них гладиаторы постоянно были под бдительным надзором. Археологи раскопали здание гладиаторской школы в одном из небольших городов Италии — Помпеях; во всех семидесяти одиночных каморках, где помещались гладиаторы, нет окон; там же был обнаружен карцер и специальная колодка, в которую забивали провинившихся...

Не случайно в гладиаторской школе, раскопанной археологами в Помпеях, каждому из обучавшихся предоставлялось отдельное помещение: гладиаторов нужно было не только обучить владеть оружием, но и разобщить, не допустить, чтобы между ними сложились дружба и товарищеская солидарность. Ведь в любой день каждый из них мог стать противником своего соседа, а организаторы зрелищ требовали боя не показательного, а подлинного, жестокого, смертельного... Да и кроме того, кто мог бы дать гарантию, что тесно спаянные между собой люди не обратят оружие,

Гладиаторская школа в Помпеях (современный вид)

которое им вручат при выходе на арену, против стражи и зрителей? Поэтому в гладиаторских школах свирепствовали не только хозяева и надсмотрщики, но и их жалкие прихвостни, шпионы и наушники, помогавшие пресечь в зародыше всякую попытку организации гладиаторов для общей вооружённой борьбы за свободу.

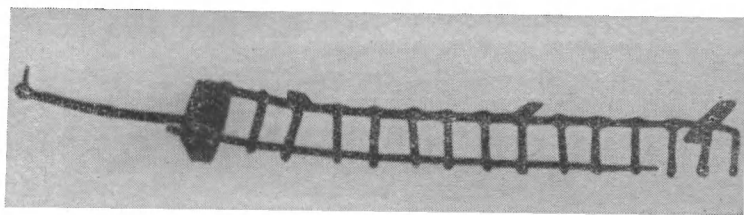
Но всё-таки подобные организации время от времени возникали и не могли не возникать. Никакой террор, никакие посулы, никакое изощрённое подглядывание и подслушивание, никакое намеренное разобщение рабов, никакая рознь, специально создаваемая между ними, не могли окончательно подавить любовь к свободе, уничтожить без остатка чувство человеческого достоинства и полностью истребить волю к борьбе во имя этой свободы и этого достоинства. Именно в мрачных казармах одной из гладиаторских школ зародилась искра того великого пожара, который охватил в 70-х годах I в. до н. э. всю Италию и на фоне которого вырисовывается величественная фигура Спартака.

Случилось это в школе гладиаторов в Капуе, которую держал некий Лентулл Батиат. В её стенах обучался

гладиаторскому искусству Спартак, «несправедливо брошенный, — по словам одного древнего писателя, — в гладиаторы». О прошлом Спартака известно мало. Родом он был из Фракии и сражался с римлянами за свободу своего племени. Лет за десять до восстания Спартак попал в плен к римлянам, попытался бежать, но был схвачен и продан в гладиаторскую школу. Но и здесь Спартак не пал духом. По свидетельству самих римлян, он обладал не только большой физической силой, но и смелостью, ясным умом, замечательными организаторскими способностями. В школе он стал готовить своих товарищей по заключению к мысли о том, что не всё ещё погибло, что им остаётся ещё одна последняя надежда — завоевать себе свободу в совместной вооружённой борьбе. «Лучше пойти даже на крайний риск ради свободы, — призывал Спартак, — чем отдавать свою жизнь на арене для потехи врагов».

Большинство содержащихся в школе Батиата гладиаторов были галлы и соотечественники Спартака — фракийцы. Все они попали в неволю уже взрослыми людьми, помнили о благах потерянной свободы и готовы были на всё, чтобы вырваться из рабства. У многих были дома семьи, и первоначальный план их был, насколько можно судить, несложен: они надеялись оружием проложить себе путь к родным очагам. Все они горячо откликнулись на призывы Спартака, верили ему и готовы были идти за ним. Некоторые передавали даже, что Спартак якобы самими богами был избран для славной роли вождя угнетённых. Ещё когда его впервые привели в Рим на продажу, утверждали они, ему приснилась змея, обвившаяся вокруг его лица, а это, по мнению доверчивых и страстно мечтавших о свободе людей, явный знак грядущих успехов и великого могущества их товарища и предводителя...

Неизвестно, сколько гладиаторов находилось в Капуанской школе, но около двухсот готовы были принять участие в героической попытке освободиться. Среди них отыскался, однако, предатель, и только счастливая случайность позволила гладиаторам узнать, что их намерения раскрыты. Теперь участников могла спасти лишь отвага и быстрота действий. Прежний план освобождения пришлось оставить,

Железная колодка, найденная в гладиаторской школе в Помпеях

и около семидесяти гладиаторов во главе со Спартакom, вооружившись кухонными ножами и вертелами, напали на стражу, взломали двери своей тюрьмы и вырвались на волю. Это было в 74 г. до н. э.¹

Высвободившись из своего заключения, рабы должны были решить, что делать дальше. Предательство сорвало их первоначальные планы. Спасшихся из школы было слишком немного, настоящего боевого оружия у них не было; захваченные беглецами телеги с гладиаторским снаряжением, которые везли в одну из соседних школ, да отобранные у случайно встретившихся путников дубины или кинжалы не шли в счёт. Наконец, неизвестно было, какие меры успел предпринять против них и оставшихся в заточении их товарищей предупреждённый своими доносчиками о предстоящем побеге Батиат. В таких условиях естественным убежищем представлялись поросшие лесом горы, и Спартак со своими товарищами укрылся на горе Везувий, которая господствовала над всей местностью. Здесь бывшие гладиаторы заняли сильную и укреплённую самой природой позицию. Теперь пора было подумать о более прочной организации; восставшие выбрали трёх предводителей — помощниками Спартака стали его товарищи по школе Крикс и Эномай.

Лагерь на Везувии, который в ту пору ещё не был действующим вулканом (первое известное его извержение случилось через полтора столетия после описываемых событий), вскоре стал привлекать к себе других обездоленных. К гладиаторам присоединялись беглые рабы, даже свобод-

¹ Дата начала спартаковского восстания вызывает сомнения, и многие учёные относят бегство гладиаторов и первые шаги восстания к следующему, 73 г. до н. э.

ные бедняки «с полей», т. е. разорённые крестьяне. Вскоре им удалось разбить небольшой отряд, присланный из Капуи, и захватить порядочное количество настоящего боевого оружия. Повстанцы с радостью заменили этим оружием гладиаторские доспехи, непригодные в серьёзном бою и служившие к тому же постоянным напоминанием о тяжёлом и унижительном прошлом. Это было тем более важно, что средства для пропитания воинам Спартака приходилось добывать набегами на ближайшие окрестности. Захватываемую при этом добычу делили поровну между всеми, что увеличивало славу их предводителя, и вскоре у Спартака собрался уже значительный отряд.

Бегство нескольких десятков гладиаторов, к тому же из провинциальной школы, не вызвало первоначально в Риме, занятом междоусобной борьбой, особенного беспокойства. Побег рабов были обычным делом в рабовладельческом мире; рабовладельцы стремились их предупреждать, а беглецов вылавливать и подвергать наказанию, не допуская образования крупных «разбойничьих шаек»; но никто не мог уже при первом известии о бегстве «низких гладиаторов», предназначенных для арены, подумать, что это — начало восстания, ещё более грозного, чем мощные выступления сицилийских рабов, случившиеся дважды за последние полстолетия.

В течение ряда месяцев против беглецов, укрепившихся на Везувии, не предпринималось никаких решительных военных действий. Силы повстанцев за это время значительно возросли. В их рядах окрепли дисциплина и воинский порядок, было налажено снабжение. В отличие от руководителей сицилийских восстаний Спартак не принял царского титула; рабы не стремились в этот период к созданию своего государства в Италии; большинство их мечтало о возвращении на родину. Но для этого нужно было думать о распространении восстания, о вовлечении в него всё новых участников, о продвижении к границам страны, которую вчерашние гладиаторы и беглые рабы рассматривали как одну огромную тюрьму. Только там, за Альпами, можно было вздохнуть свободно. Только оттуда шли пути к давно оставленным домам и семьям: на восток — к берегам Дуная и во Фракию, на запад — в Галлию.

Вылазки восставших из лагеря на Везувии становились всё более опасными для Рима, число участников движения росло, слухи о восстании волновали рабов по всей Италии, усиливали недовольство свободных. Римский сенат решил, наконец, уничтожить опасный очаг мятежа. Против «беглых гладиаторов» был отправлен с трёхтысячным отрядом бывший претор Гай Клодий.

Клодий, не отличавшийся военными дарованиями и к тому же не рассчитывавший ни на богатую добычу, ни на славу (римляне всё ещё продолжали относиться к восстанию с пренебрежением), прибыл со своим войском к подошве Везувия и, ознакомившись с местностью, решил не утруждать своих воинов — большей частью случайно набранных и ещё недостаточно обученных новобранцев — штурмом хорошо укреплённых позиций. Видя, что лагерь Спартака окружён со всех сторон, кроме одной, отвесными обрывами, он расположился у единственной тропинки, которая вела на гору, и преградил путь рабам. Он рассчитывал изморить осаждённых голодом и жаждой, посеять среди них страх и уныние и легко добиться победы.

Но отважные воины Спартака не растерялись. Ещё раньше они использовали дикий виноград, густыми зарослями покрывавший склоны Везувия, для изготовления щитов, которые плели из самых крепких лоз и обтягивали затем шкурами животных, пополняя этими самодельными изделиями недостаток настоящего оружия. Теперь этот опыт нашёл себе неожиданное применение: воины Спартака сплели из прочных лоз длинные лестницы, и, пользуясь тем, что под самым крутым и высоким местом окружавшего их лагерь обрыва римляне не считали нужным выставить охранение, они по одному тайно спустились с крутизны. Скрытно обойдя лагерь Клодия, они неожиданно напали на римлян, разбили их и овладели лагерем. Весть об этой победе быстро распространилась по окрестностям, и к восставшим стали присоединяться местные жители, как рабы-пастухи, так и свободные бедняки. Благодаря сочувствию населения прилегающих округов Спартак смог наладить хорошую разведку и заранее знать о всяком передвижении римских отрядов. Рабы получили также надёжных проводников.

В Риме, наконец, оценили опасность. Против Спартака был спешно послан претор Публий Вариний, которому сенат вручил командование над двумя легионами, что составляло примерно 12 тысяч солдат. Но так как лучшие войска республики именно в этот период сражались в Испании против Сертория или на Востоке против Митридата, то и легионы Вариния были набраны наспех, не из римских граждан, а из всяких случайных людей. Трудности похода — дело было уже осенью 73 г. до н. э. — вызывали среди неподготовленных воинов болезни; дисциплина слабела, росло дезертирство.

Если до сих пор военные действия спартаковцев не выходили за рамки чисто оборонительных операций, то теперь положение изменилось. Численность повстанцев возросла, победа над Клодием укрепила у них веру в свои силы, и Спартак смог перейти к активным действиям. Именно в столкновении с войсками Вариния Спартак показал уже не только умение пользоваться военными уловками и действовать, применяясь к условиям местности, но и впервые проявил подлинное военное мастерство, заслужив этим высокую оценку К. Маркса, справедливо назвавшего его крупным полководцем.

Сравнительно многочисленный отряд Вариния, где было немало больных и отставших, продвигался медленно, разделившись на несколько частей. Спартак сумел полностью использовать это обстоятельство: сначала он разбил двухтысячный отряд помощника претора Фурия. Затем настал черёд крупного отряда Кассиния. Первый раз Кассиний потерпел поражение у Салин, причём сам Кассиний чуть было не попал в руки повстанцев. Спустя некоторое время Спартак овладел его обозом, лагерем и обратил римлян в бегство. Кассиний же был убит в ожесточённой схватке. Всё это привело остатки легионов Вариния в состояние полной деморализации. От потерь в боях, от болезней и дезертирства силы его уменьшились до 4 тысяч воинов, дисциплина пришла в упадок. Однако претор упрямо продолжал войну и в конце концов добился некоторого успеха. Ему удалось оттеснить рабов в опустошённую и трудно проходимую местность; путь рабам преграждал укреплённый по римскому обыкновению ров и валами лагерь, расположенный в непосредственной близости от лагеря врагов. Хотя Спартак и

распорядился снимать доспехи с убитых римлян, у его воинов всё ещё не хватало оружия, многие сражались обожжёнными на огне кольями. Они также страдали от осенней непогоды; наконец, у рабов истощился провиант, и им угрожал голод.

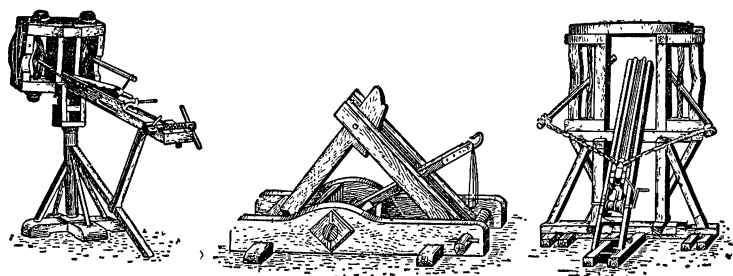
Но даже в таких условиях люди, поднявшиеся на справедливую, священную борьбу за свободу, сохранили мужество и единство. Спартак призывал их к решительной схватке. «Каково бы ни было сопротивление римлян, засевших в сильном лагере,— говорил Спартак,— то всё-таки лучше погибнуть от железа, чем от голода!» Но Спартак не хотел вести ослабевших от недоедания бойцов просто на штурм глубоких римских рвов и земляных валов, укреплённых частоколом. Восставшие и на этот раз сумели обмануть бдительность римлян: в лагере повстанцев вместо издали заметных часовых были поставлены трупы павших, подпёртые вколотенными в землю кольями; так как дело шло к вечеру, было разложено обычное количество костров, даже был оставлен трубач, который подавал время от времени привычные сигналы. Создав, таким образом, у римлян впечатление того, что войска рабов по-прежнему сосредоточены в лагере, Спартак неприметно вывел своих воинов по дорогам, которые считались непроходимыми. Наутро римляне обнаружили, что враг уже далеко. Разведка римлян не обнаружила засады, тем не менее наученный печальным опытом своих предшественников Вариний построил свои легионы в боевой порядок и отступил, ожидая подкреплений из Рима.

В этот момент среди восставших рабов стали появляться первые разногласия. Крикс, выражая мнение галлов и германцев, предлагал немедленно напасть на Вариния. Спартак не советовал предпринимать нападение. Он и его сторонники, имевшие в виду конечную цель движения — увод возможно большего количества рабов на родину,— полагали, что настало время двинуться к границам Италии, присоединяя к себе по пути новые отряды рабов. Но те из рабов, кто успел забыть о своей родине или вырос в неволе, мечтали о другом — о немедленной мести угнетателям, о разграблении богатых поместий, о захвате богатой добычи. Измученные долгими лишениями, издевательствами и непосильным подневольным трудом, рабы не хотели уходить,

не оплатив угнетателям. После ряда побед над римскими войсками некоторым казалось, что у них хватит сил и для похода на ненавистный Рим. Но Спартак, который хорошо понимал, что силы восставших недостаточны для этого похода, убедил в конце концов принять его план: спуститься с гор в равнины, богатые скотом, чтобы там, прежде чем явится Вариний, успеть реорганизовать войско, увеличить его численность и подготовиться к дальнейшей борьбе. Действительно, при возобновлении военных действий войска Вариния были вскоре разбиты и рассеяны, в руки спартаковцев попал его конь и даже его личная почётная стража — ликторы.

После победы над Варинием Спартак стал, по выражению одного древнего писателя, «велик и грозен». К нему стекалось всё большее количество народа, и войско его достигло 70 тысяч. Спартак свободно двигался теперь по Кампании, опустошая и уничтожая латифундии, а рабов присоединяя к своим силам. Когда в его руки попадали мастерские, их использовали для изготовления оружия, в котором ощущалась острая нехватка. Наконец, захватив несколько табунов, повстанцы сформировали конницу. Спартак старался водворить в рядах своих сотоварищей строгую воинскую дисциплину. Рабы несли караульную службу; в их легионах, организованных по римскому образцу, появились знамёна и военные значки. Перед самим Спартаком несли знаки власти римских полководцев, захваченные в числе прочей добычи. Но не все беглецы, стекавшиеся к Спартаку, понимали необходимость соблюдения строгой дисциплины. Несмотря на противодействие Спартака, во время движения повстанческого войска по Южной Италии участились случаи грабежей, поджогов, насилий. Поэтому, по мере того как восстание распространялось на новые области, многие жители мелких населённых пунктов, узнавая от бегущих соседей о приближении «беглых рабов», торопились укрыться со всем своим скарбом в соседних горах.

В этот период войско восставших рабов, опустошив города Нолу и Нуцерия в Кампании, двинулось дальше на юг. Вскоре оно уже чувствовало себя, как дома, и в соседних областях — в Лукании и в Апулии. Вплоть до стен городов Консенции, Турий и Метапонта господствовали

Римские метательные машины (реконструкция)

вчерашие рабы, и Римская республика оказалась в серьёзной опасности, тем более что и против Сертория и против Митридата военные действия всё ещё продолжались и требовали новых усилий, армий и средств. В Риме было неспокойно. В напряжённой обстановке войн обнаружился недостаток хлеба, и оба консула 73 г. до н. э. вынуждены были, отложив все остальные дела, срочно заняться снабжением столицы. Одновременно подняла голову и римская демократия. Трибун Лициний призывал не давать столь необходимых республике рекрутов, если не будут отменены реакционные законы Суллы и восстановлена прежняя конституция.

В этот период перед рабами с неизбежностью вставал всё тот же вопрос: что делать дальше? Спартак выдвинул прежний план — пробиться к границам Италии, перевалить Альпы, за которыми откроется путь к далёкой родине и оставленным семьям. Успехи не вскружили голову Спартаку, он понимал, что силы рабов даже после всех их побед недостаточны для того, чтобы опрокинуть всё здание рабовладельческого Рима. При таких условиях дальнейшее продолжение войны было не в пользу повстанцев: рано или поздно отборные легионы и лучшие полководцы республики вернутся в Италию, и тогда самая героическая борьба окажется бесполезной. Разбив римское войско ещё раз или даже несколько раз, рабы будут так же далеки от полной победы, как и сейчас. Поэтому Спартак считал вполне разумным двинуть свои отряды на север, к Альпам, к желанной свободе.

Но при всей убедительности этих рассуждений они не могли быть одинаково близки и понятны всем рабам. Не каждый отдавал себе отчёт в том, что уничтожены отнюдь не лучшие, кадровые, закалённые в битвах римские легионы, а случайно набранные отряды. Далеко не каждый из вчерашних рабов, распрямивших изнурённое трудом тело, расправивших исполосованные бичами плечи, задумывался о далёких перспективах движения, о его задачах. Опытавшись от сознания своей свободы и силы, многие не хотели смотреть в будущее и стремились лишь к тому, чтобы отомстить угнетателям и пожить свободно, не зная принудительного труда и плети надсмотрщика. Поэтому все древние писатели упоминают о безуспешных попытках Спартака остановить убийства, пожары, грабежи и насилия, неизбежность которых он не мог в глубине души не понимать. Удовлетворением накопившейся ненависти к угнетателям было кровавое зрелище, когда на похоронах одной пленной женщины, наложившей на себя руки после насилия, рабы устроили гладиаторские игры, заставив 400 пленных римлян впервые ощутить на себе остроту переживаний, которые те привыкли оценивать с безопасных сидений римского цирка...

Итак, далеко не все рабы, привезённые в Рим из далёких стран, стремились на родину. Что же должны были предпринять те, кто родился и вырос в неволе? Куда им было идти, и кто мог поручиться, что за Альпами они не стали бы в конце концов всё теми же бесправными рабами? Некуда было уходить и тем свободным, кто в разное время присоединился к движению. Поэтому нет ничего удивительного, что в Южной Италии силы восставших разделились. Тех, кто хотел остаться и продолжать борьбу, а в случае крайней опасности встретить неизбежную смерть с оружием в руках, возглавил Крикс. Остальные, которых было большинство, последовали на север под знамёнами Спартака; Эномай к этому времени погиб в одном из сражений.

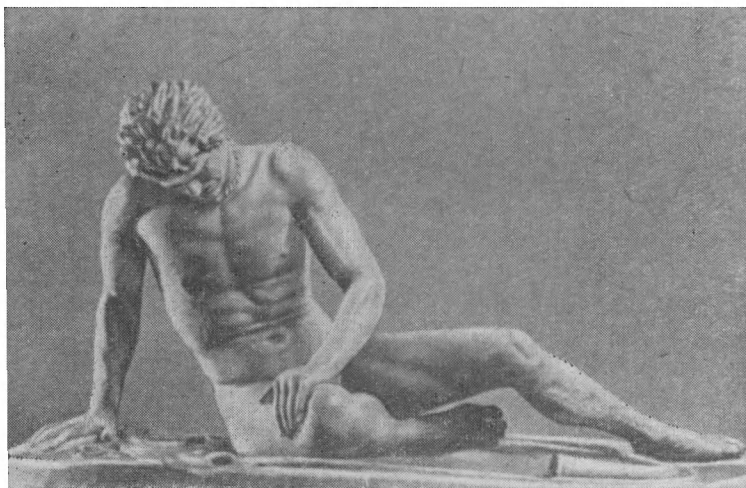
Если в первые месяцы восстания римское правительство не уделило ему внимания, а в дальнейшем пыталось подавить «мятеж гладиаторов» сравнительно небольшими отрядами, то теперь республика приняла меры, которые, как казалось сенаторам, должны, наконец, вырвать с корнем «позор вооружённого восстания рабов». В самом деле; против

них были направлены оба консула 72 г. до н. э., Люций Геллий и Гней Лентулл. Сенат, по словам древнего историка, отправил против Спартака обоих консулов, «как если бы дело шло об одной из самых трудных и больших войн». Но, так как войска по-прежнему были нужны и за Пиренеями и в горах Армении, консулам могли выделить только два легиона.

Несмотря на немногочисленность своих сил, консулы перешли к решительным действиям. Прежде всего один из них, Геллий, командовавший в начале похода обоими легионами, уничтожил в Апулии, у горы Гаргана, отделившуюся часть повстанцев во главе с Криксом. Германцы и другие рабы, находившиеся в этом отряде, сопротивлялись отчаянно и мужественно, но были разбиты. Сам Крикс и две трети его воинов нашли смерть в этом сражении. Однако в остальном война велась неудачно для римлян. Спартак с основными силами отходил по отрогам Апеннинских гор на север, прокладывая себе путь в долину реки По и дальше к снежным вершинам Альп. Геллий и Лентулл решили окружить его войско. Для этого Лентулл двинулся быстрым маршем вслед за Спартаком, обогнал его и преградил дальнейший путь. С юга в это время приближался Геллий.

Не в первый раз было Спартаку принимать ответственные решения. Он понимал, что в случае осуществления римских планов его отрядам придётся биться на два фронта. Чтобы избежать этого, Спартак оторвался от преследующих его войск и где-то в Апеннинских горах обрушился на преградившего ему дорогу Лентуллу, который укрепился на возвышенности. В жестокой битве римляне окружили воинов Спартака, но он сумел направить всю силу удара в одно место и разбил отряды помощников консула. В руки восставших попал весь римский обоз. Для отдыха не было времени — уже приближалась армия Геллия. Спартак повернулся против него, разгромил его легионы в открытом сражении и, почтив память погибшего Крикса гладиаторским сражением, в котором принуждены были биться 300 пленных римлян, снова двинул свои победоносные войска на север.

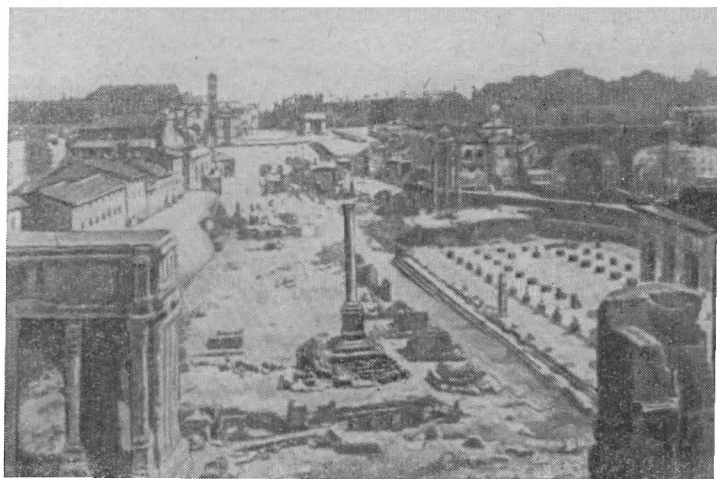
Но на пути к свободе было ещё одно препятствие. Наместник Цизальпийской Галлии (так называлась у римлян

Умирающий галл (статуя)

Северная Италия — долина реки По, населённая галльскими племенами) Кассий встретил армию Спартака у города Мутины. У римского полководца было около 10 тысяч свежих солдат, но он не выдержал натиска спартаковцев и, потерпев поражение и потеряв много людей, с трудом спасся от гибели.

Уничтожение обоих консульских легионов и захват укрепленного лагеря Кассия были крупными победами. Они открывали, наконец, свободный путь за Альпы. Но вместе с тем они настолько укрепили уверенность рабов в своих силах, что сторонников ухода из Италии становилось всё меньше. Тем настойчивее раздавались голоса тех, кто требовал похода на Рим. Разве не настал час, чтобы гордая столица стала добычей вчерашних рабов? Разве не переполнена кровью и слезами всякая мера терпения? И, кроме того, как оставить в неволе тысячи других, кому ещё не посчастливилось найти себе место в рядах восставших? В рабах заговорило великое чувство классовой солидарности. Нет, они не согласны покинуть в тюрьмах и застенках, на полях и в рудниках тысячи своих братьев! И зачем теперь, после побед над обоими консулами, подобно

Римский форум (современный вид)

жалким беглецам, уходить из страны, обильно политой их потом и кровью? И неизвестно ещё, что ждёт их дома. А ведь предстоят огромные опасности и лишения долгого пути... Кто может поручиться, что живы родители, что дети, оставленные в колыбели, счастливо избежали смерти или плена и узнают своих отцов, что жёны не погибли в нужде или не отыскиали себе новых мужей? Нет, пусть Спартак ведёт их на Рим; и горе Риму!

При таком настроении большинства войска можно было принять лишь одно решение, и Спартак повернул на юг. Для успеха задуманного дела важны были внезапность и стремительность нападения. Спартак приказал сжечь всё лишнее, уничтожить ненужный скот, пожертвовать пленными. Стодвадцатитысячное войско быстро двигалось на юг. Воинов было достаточно, и Спартак не брал тех, кто не влился в ряды восставших рабов в то время, когда против них действовали оба консула, а теперь, прослышав о цели похода, готовы были присоединиться к повстанцам в надежде на добычу.

Римские консулы ещё не были уничтожены. Они соединили остатки своих легионов и пытались остановить гроз-

ный поход в Пиценуме. Но что могло противостоять энтузиазму и натиску тысяч людей, воодушевлённых мыслью о возмездии, ставшем целью их стремлений? Римские войска потерпели тяжёлое поражение и обратились в бегство. Сенат приказал консулам прекратить военные действия. В Риме не на шутку опасались, что вся эта масса окрылённых победами над прославленными легионами, закалённых в боях, ожесточённых перенесёнными страданиями, неукротимых в своей ненависти людей устремится к столице. При выборах должностных лиц на следующий год многие боялись выставлять свои кандидатуры. В конце концов претором был избран Марк Красс, видный сулланец, один из самых богатых рабовладельцев Рима. К этому времени спартаковцы, отбросив по пути отряд претора Манлия, уже прошли через Самний и вышли к границам Лукания. Было неясно, собирается ли Спартак идти на Рим, и Красс двинул свои легионы в Пицентийскую область, прикрыв путь к столице.

Но Спартак обманул ожидания врагов; он не пошёл на Рим. Несмотря на победы над консулами, он не верил в возможность захвата Рима: ни один город Италии не перешёл на сторону рабов. Да и что было делать даже стотысячному войску рабов с Римом, число жителей которого приближалось, быть может, к миллиону? Трезвый ум Спартака не допускал бессмысленного риска тысячами жизней, тысячами людей, которые выдвинули его, верили ему, шли за ним на смерть. И у него уже сложился новый, ещё более глубокий и величественный план дальнейших действий. Ключ к победе над Римом не находится в здании сената, и сила римлян не в том, что они владеют семью холмами над Тибром. Если уж речь идёт не о том, чтобы вернуть рабов к их давно утраченным очагам, если принять к сердцу интересы не только фракийцев и галлов, товарищей по школе Батиата, но всех тысяч рабов, если вести борьбу со всем Римом, со всем рабовладельческим миром, построенным на крови и слезах, на угнетении и эксплуатации, то выход может быть только в одном, и только одно даёт право мужественно смотреть в будущее и надеяться на победу своего справедливого дела: надо, не ограничиваясь Италией, распространить восстание на провинции, освободить и присоединить к борьбе всех рабов, где бы они ни томились —

в рудниках Испании или на полях Африки, в мастерских Греции или в сицилийских каменоломнях. И начинать надо с ближайшего, с наиболее достижимого. Поэтому путь ведёт отныне не к стенам Рима и не к северным хребтам, отделяющим Италию от остального мира, а к неширокому проливу, за которым лежит Сицилия. Именно там, где ещё живы в сердцах невольников воспоминания о славном царстве восставших рабов, можно будет найти поддержку, укрепиться и подготовить силы для новых боёв, которые будут упорнее и значительнее прежних.

Новый план действий требовал новой тактики. Известно, в какой мере Спартак посвящал воинов в свои дальнейшие намерения, но во всяком случае о походе на Рим больше не было речи. Быстро и целеустремлённо двигались спартаковцы на юг. В стороне оставались и Рим, с ужасом ожидавший невиданного нашествия, и Капуя, и Везувий, первое убежище беглецов. Теперь они, превратившись в грозную силу, безостановочно двигались вперёд. Нужно было, не теряя времени, вывести из Италии как можно больше дисциплинированных, прошедших через все военные трудности воинов.

Красс по-своему оценил движение рабов. Он и сам готов был не торопиться с решительным сражением. Опытный полководец и прожжённый политический деятель, наживший огромное состояние, скупая за бесценок земли и имущество казнённых Суллой, жадный и осторожный, жестокий и предусмотрительный, Красс не привык торопиться в важном и опасном деле. К тому же он отлично знал, что воины его шести легионов, не говоря уже об остатках разбитых консульских войск, совершенно деморализованы легендарными победами Спартака. Поэтому он разбил лагерь в Пицентийской области и отправил своего помощника Муммия с двумя легионами в обход, приказав ему вести постоянное наблюдение и неотступно следовать за повстанцами, но не ввязываться в серьёзный бой. Однако Муммий решил отличиться, и при первом случае, когда ему показалось, что победа сама даётся в руки, напал на Спартака. Но легионы Муммия не выдержали столкновения и, теряя оружие, обратились в бегство. Отбросив преграждавший ему дорогу отряд, Спартак удалялся в глубь Лукании, двигался

к морю. Вскоре перед рабами открылись горы, окружающие Турии, а затем и самый город.

Заняв Турии, сравнительно крупный порт на Тарентском заливе, Спартак стал готовиться к дальнейшему походу. Здесь войско рабов вступило в оживлённые торговые сношения с местными купцами. Продавая добычу, воины по приказу Спартака требовали в уплату не золото и серебро, а медь и железо, необходимые для изготовления оружия. Возможно, что в подчёркнутом пренебрежении к драгоценным металлам выразились и смутные мечтания рабов, стремившихся ниспровергнуть мир, построенный на богатстве одних и рабстве сотен тысяч других.

К этому времени Красс также стал двигаться на юг. Муммия с остатками его отряда он встретил сурово и, вручая снова оружие потерявшим его воинам, потребовал, чтобы они нашли поручителей, которые подтвердят, что они будут его беречь. Стремясь любой ценой поднять боеспособность своих легионов, Красс не остановился перед применением самых крутых мер: 500 воинов, которые первыми обратились в бегство, были разделены на десятки, и из каждого десятка один, выбранный по жребию, был подвергнут позорной казни. Возобновляя это старинное, наполовину забытое наказание для трусов, Красс добился того, что стал, как выражается греческий историк, для своих солдат «страшнее побеждавших их врагов». Действительно, римляне теперь с переменным успехом вступали в стычки с мелкими отрядами рабов, выступавших из Турий в поисках продуктов питания и другой добычи.

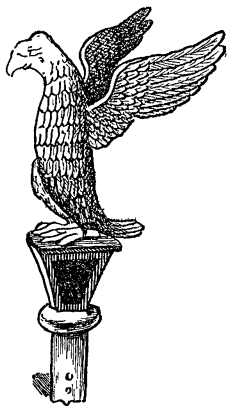
Военные действия стали затягиваться, но Спартак не терял времени. Для переправы в Сицилию необходимы были корабли. Так как в Туриях их, по-видимому, не удалось захватить, Спартак вступил в переговоры с пиратами. Пираты обещали помочь, и войско рабов двинулось в новый поход — на крайний юг Италии, к Мессинскому проливу.

В самом деле, в Сицилии, ещё недавно дважды пережившей восстания рабов, слухи о победах Спартака не оставались без последствий. Только исключительная строгость и жестокость римских наместников на острове и местных рабовладельцев удерживали до поры до времени рабов в повиновении. После подавления двух рабских восстаний на острове Сицилии рабам воспрещалось, напри-

мер, в каком бы то ни было случае брать в руки оружие; известен случай, когда раб, убивший дикого кабана и поднёсший его в дар наместнику Сицилии, был казнён, так как нарушил запрет. В годы спартаковского восстания террор усилился. Сицилийский наместник Веррес производил многочисленные аресты среди рабов и свободных и даже казнил какого-то римского гражданина, заподозренного в том, что он шпион, отправленный в Сицилию вождями восставших рабов. Но при всём том невозможно было искоренить то, что современник событий называет «брожением в невольнической среде», даже «неблагонадёжным настроением сицилийских рабов во всей их массе...». Римлянам не приходилось сомневаться, что в случае высадки на острове даже небольшого отряда спартаковцев он сможет «возобновить войну сицилийских рабов».

Трудно сказать, разгадал ли Красс план Спартака, но римский полководец двигался, не отрываясь, вслед за его войском. Воинам Красса казалось, что Спартак отступает, боясь сражения, и это вселяло в них бодрость. Пользуясь этим, Красс уничтожил сначала стоявший отдельно десяти-тысячный отряд рабов, а затем ему удалось нанести чувствительный удар и самому Спартаку.

Но Спартак не дал себя задержать, и это было главное. Быстрым маршем двигались его отряды на юг, где в проливе уже ожидали его корабли киликийских ¹ пиратов. Сицилии угрожала немалая опасность, и наместник Веррес решил принять свои меры. Не надеясь на проведённое по его приказу укрепление берегов Сицилии и не имея флота, средства на содержание которого были им давно присвоены, Веррес решил, пренебрегая гордостью и достоинством римского

*Римский легионный
орёл*

¹ Киликия — местность на южном побережье Малой Азии, на скалистых берегах которой пираты имели свои укрепления в гавани, где они ремонтировали корабли, складывали добычу и проводили зиму.

наместника, завязать прямые сношения с пиратами. Результат не замедлил сказаться. Когда спартаковцы вышли, наконец, к берегам Сицилийского пролива, пираты, взяв договорённые подарки, обманули Спартака и увели свои корабли.

Неширокий пролив, отделяющий Италию от Сицилии, отличается тем не менее сильным течением, а у берегов его разбросаны острые скалы. По древним легендам, этот пролив охранялся сказочными чудовищами Скиллой (в латинском произношении Сциллой) и Харибдой. «Скиллой,— пишет римский историк,— местные жители называют скалу, вдающуюся в море. Сказания же придали ей столь чудовищный вид, будто бы это женщина, у пояса которой торчат собачьи головы, потому что волны, сталкивающиеся у этой скалы, издают шум, напоминающий лай собак». Ещё опаснее расположенная на противоположном берегу Харибда: «Море у Харибды бурливое, оно затягивает невидимым водоворотом случайно занесённые туда корабли, тащит их на протяжении шестидесяти миль к тавроменийским берегам и там выбрасывает из своей глубины их обломки...». Но никакая опасность не могла остановить воинов Спартака. Они решили любой ценой переправиться через узкий пролив. Не имея лодок, рабы пытались переплыть бурные воды на плотях, под брёвна которых подводили бочки, привязывая их лозами или кожаными ремнями. Но быстрое течение сносило сцепившиеся между собой плоты, и не удалось переправить в Сицилию даже двухтысячный отряд, назначенный для этой цели. К тому же и Красс, понимавший размеры опасности, грозившей Риму, если война перебросится в Сицилию, принял меры к тому, чтобы сделать переправу на плотях невозможной.

Убедившись в том, что предательство пиратов погубило столь широко задуманный план, Спартак повернул от моря, обманувшего его надежды. Но за это время и Красс успел сделать многое. Видя, что враги отходят на крайний юг Италии, Красс решил отрезать рабов, запереть их, лишить подвоза продовольствия и уничтожить. Его воины выстроили поперёк Бруттийского полуострова, в самом узком его месте, ров, имевший в ширину и глубину около четырёх с половиной метров, а над рвом возвели земляную насыпь, укрепив её палисадом. Они трудились днём и ночью, то-

ропились, но большое и трудное дело (укрепления были выстроены на протяжении более 50 километров) удалось окончить, как выражается биограф Красса, «против ожидания в короткое время». Спартак попытался пробиться, но потерпел большой урон и отступил. Наконец-то грозный вождь рабов оказался в западне!

Уже приближалась зима, третья зима восстания. Рабы вскоре стали ощущать недостаток продовольствия и фуража. Неудача похода в Сицилию не могла не отразиться и на моральном состоянии войска; сказывалась и усталость. Но Спартак был далёк от мысли, что это уже конец. Только бы вырваться из ловушки, в которую они попали благодаря пиратам! И в ожидании конных отрядов, стекавшихся со всей южной оконечности полуострова к нему, Спартак не пытался идти на штурм укреплений, а постоянно беспокоил осаждавших. Рабы часто совершали мелкие нападения или, выждав, когда ветер повернёт в сторону врага, поджигали хворост, набросанный в ров. Чтобы укрепить решимость своих воинов, Спартак приказал повесить на виду у своего и римского войска пленного римлянина — живой образ той участи, на которую могли бы рассчитывать побеждённые или сложившие оружие. Узнав, что в Риме на смену Крассу готовятся прислать Помпея, и понимая, что Красс не хочет ни с кем разделить славу победителя, Спартак попытался завязать с ним переговоры, но получил отказ.

Дождавшись, наконец, прибытия конных отрядов, осаждённые в одну из ненастных ночей устремились к римским укреплениям. Прежде чем сторожевые отряды римлян успели вызвать подкрепления, ров был засыпан землёй, завален деревьями, сучьями, трупами лошадей и павших в бою. По созданному таким образом мосту значительная часть рабов вышла из ловушки. Вскоре оттуда выбрались и остальные.

При известии о том, что Спартак обманул все его ожидания, Красс вначале растерялся. Он боялся, что отчаяние заставит рабов стремительно двинуться на Рим, и написал в сенат, что для окончания войны следует немедленно отозвать из Испании Помпея, а с Востока — наместника Македонии Лукулла, брата римского полководца, успешно сражавшегося в Малой Азии против Митридата.

К началу 71 г. до н. э. положение Римской республики значительно улучшилось. В Испании Помпей, отчаявшись уничтожить Сертория в открытом бою, стал действовать по-другому. В лагере Сертория возник заговор среди ближайших к нему командиров, и в 72 г. Серторий был убит заговорщиками во время пира. Войска, лишённые полководца, были вскоре рассеяны, и Помпей готов был вести свои легионы в Италию, чтобы вырвать из рук Красса славу победителя Спартака.

Одновременно римские легионы добились успехов и на Востоке. После нескольких поражений Митридат отступил во владения своего союзника, армянского царя. Брат Лукулла, наместник Македонии, отразив в 72 г. до н. э. нападение северных племён, также двигался в Италию, так как срок его полномочий истёк. Письмо сената заставило его торопиться, и, таким образом, только теперь, на третьем году великой освободительной войны, восставшим рабам предстояло столкнуться с основными силами рабовладельческого Рима.

Спасшись от гибели в бруттийской ловушке, войска Спартака двигались на север. Спартак вернулся теперь к первоначальному плану, видоизменив его соответственно обстоятельствам. В самом деле, если не удалось распространить очистительное пламя освободительной войны на другие области, оставалось по крайней мере вывести повстанцев из Италии. Для похода к Альпам не оставалось времени, и Спартак решает пробиться к Брундизию, главному порту Рима на Адриатическом море. Здесь, в гавани, через которую идёт вся торговля и всё сообщение с Востоком, можно надеяться захватить достаточное количество кораблей, и всего несколько десятков миль отделяют рабов от Греции. Оттуда, смотря по обстоятельствам, можно будет проложить путь к родной Фракии, а при удаче — и попытаться поднять на великую борьбу рабов Греции. Но так или иначе сейчас надо спешить, ибо только внезапным нападением можно рассчитывать застичь врасплох город и не дать владельцам отвести корабли в открытое море. И Спартак использовал всё своё влияние, весь авторитет командира и друга, чтобы ускорить движение вперёд.

Но не все воины теперь охотно и беспрекословно шли за вождём. Возобновление плана, рассчитанного на увод вос-

ставших из Италии, возродило противоречия. Многие не верили в возможность переправы через воды Адриатики — ведь оказалась же непреодолимым препятствием узкая лента Мессинского пролива; многие вообще не хотели уходить. Утомлённые длительными походами, воины стали, говоря словами римского историка, «разделяться во мнениях и перестали совместно совещаться». В конце концов дело дошло до того, что от Спартака отделился значительный отряд восставших. Но ещё не успели недовольные расположиться лагерем у живописных берегов Луканского озера, когда туда же прибыл Красс. Последний попытался было подвести свои войска скрытно, но находившиеся среди рабов женщины случайно заметили блеск римских шлемов. Вскоре Красс обрушился на рабов всеми своими силами.

Спартак ещё не успел удалиться на достаточно большое расстояние, когда до него дошли вести о начавшейся битве. Хотя от скорости движения зависело многое, но разве можно было оставить товарищей в беде? Спартаковцы вернулись вовремя, и Красс успел лишь оттеснить рабов от озера, когда появление Спартака остановило панику. Тогда римский полководец изменил тактику. Сумев отвлечь атакой своей конницы самого Спартака, он выманил из укрепленного лагеря отряды галлов и германцев, которыми командовали Каст и Ганник. Притворным отступлением эта часть войска рабов была завлечена в засаду. Когда преследующие отделились от основных сил, бегущая римская конница внезапно расступилась, и перед рабами оказался боевой строй испытанной римской пехоты. В этом сражении погибло много повстанцев, погиб и их предводитель Ганник. В руки римлян попали также римские legionные орлы и военные значки, захваченные рабами в прежних сражениях.

После поражения Ганника и Каста Спартак продолжал своё движение, отклонившись лишь в силу необходимости к Петелийским горам. Помощники Красса Квинт и Скрофа преследовали его по пятам. Но и после первых поражений Спартак был ещё настолько грозен врагам, что, когда он повернулся против них, римское войско обратилось в паническое бегство, а раненого Скрофу едва успели унести. Путь к Брундизию был свободен, но в Брундизий уже

Спартак в бою (роспись из Помпей)

незачем было идти: Спартак узнал, что там находится Лукулл со своими македонскими легионами...

Такая весть могла бы смутить самых сильных духом, но не таков был Спартак. Что же, если враги думают, что для восставших всё кончено, он сумеет доказать, что это далеко не так. Используя подъём, охвативший войско после победы над Скрофой, Спартак объявил, что готов идти на Рим. Если не удастся захватить его, по крайней мере такой поход будет достойным завершением трёхлетней борьбы, и такая цель — единственное, что может ещё вдохнуть мужество и дисциплину в поредевшие ряды соратников.

Со свойственной ему решительностью Спартак вёл теперь свои войска снова на север, через Луканию. Только бы успеть к столице раньше Помпея! То-то будут удивлены надменные сенаторы, когда беглый гладиатор отважится на то, на что не осмелился посягнуть даже Ганнибал! И неужели в самом городе не найдётся никого, кто окажет

Гибель Спартака (роспись из Помпей)

поддержку восставшим?.. Впрочем, всё это ещё впереди, пока важно другое: войско утомлено, и ему нужен хоть краткий отдых. И Спартак остановился лагерем на границе Кампании, у верховьев реки Силара. Вот она, земля, откуда начался великий поход; кто знает, где он закончится...

Поход Спартака через Луканию на север не на шутку озадачил Красса. Кто возьмётся разгадать планы Спартака? Нет, поистине, за победу над таким противником впору получить не миртовый венок — им венчали в Риме полководцев, одержавших верх над врагами, которых римская гордость не признаёт настоящими противниками, вроде беглых рабов или пиратов, — но самые настоящие лавры. И неужели Помпей полагает, что его победа над Серторием была более трудной или более достойной римской славы? Впрочем, не рано ли вообще ещё рассуждать о победе? Спартак всё ещё силен, а Помпей уже близок; пора, наконец, покончить с ним. И Красс в свою очередь вёл свои войска быстрыми переходами вслед за войском рабов. Расположившись

недалеко от врага, Красс распорядился копать ров и строить лагерь.

Когда весть о приближении Красса распространилась среди рабов, их трудно было удержать от битвы. Продолжать путь, имея в тылу Красса, а впереди Помпея, было не только опасно, но, пожалуй, и бессмысленно. Спартак решил дать бой.

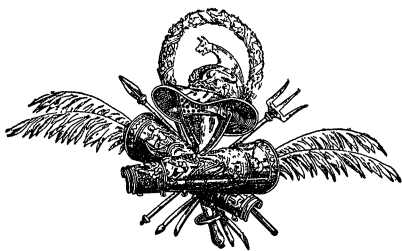
Сражение началось с того, что небольшие отряды рабов стали нападать на римских воинов, работавших над возведением укреплений вокруг лагеря. С обеих сторон на помощь своим спешили всё новые отряды, и Спартак дал приказ строить всё войско в боевой порядок. Так началась последняя, решительная битва Спартака с римскими легионами.

Борьба была длительной, жестокой и кровопролитной. Спартак сражался в первом ряду, стремясь добраться до самого Красса. Из-за массы дерущихся и раненых Спартаку не удалось пробиться к нему, но он убил двух вступивших с ним в бой римских командиров. Ожесточённая битва всё же стала клониться к поражению; воины Спартака погибали, даже по отзыву врагов, «смертью, достойной отважных людей, сражаясь не на жизнь, а на смерть». Однако силы были неравны, да и Красс понимал, что решается его судьба. Наконец, Спартак попал в окружение врагов; бывшие с ним стали отступать. Но отступать было некуда, и Спартак отказался воспользоваться конём для бегства. Раненный дротиком в бедро, он продолжал сражаться, опустившись на колено и прикрываясь щитом. Окружённые превосходящими силами римлян, Спартак и его сотоварищи мужественно отражали удары врагов, но в конце концов были изрублены в куски. Сами римляне признавали, что предводитель рабов «погиб, как подобало бы великому полководцу».

После смерти Спартака войско его продолжало сопротивление, но, лишённое полководца, пришло под натиском римлян в беспорядок. Воины Красса никому не давали пощады, да и никто о ней не просил. Битва закончилась истреблением большей части спартаковцев. По римским источникам, достоверность которых не следует, Впрочем, преувеличивать, из 90 тысяч бойцов 60 тысяч были убиты и только 6 тысяч попали в руки победителей. Тело Спартака не было найдено.

Несмотря на тяжёлое поражение, славное восстание рабов ещё не было подавлено полностью. Повсюду в Италии тлели искры великого пожара. Отдельные отряды ещё продолжали борьбу, другие ушли в горы. Красс преследовал их и жестоко расправлялся с теми немногими, кто попадал живым в его руки. Вдоль всей Аппиевой дороги, от Капуи до самого Рима, были расставлены кресты, на которых было распято несколько тысяч пленных. Пятитысячному отряду удалось всё же пробиться в Этрурию. Но там остатки грозного войска рабов встретились с войсками Помпея и были разбиты. Другие мелкие отряды также были постепенно истреблены при помощи засад многими римскими военачальниками. Последний из таких отрядов упоминается ещё десять лет спустя в Южной Италии, в районе города Турии, некогда бывшего временным местопребыванием Спартака.

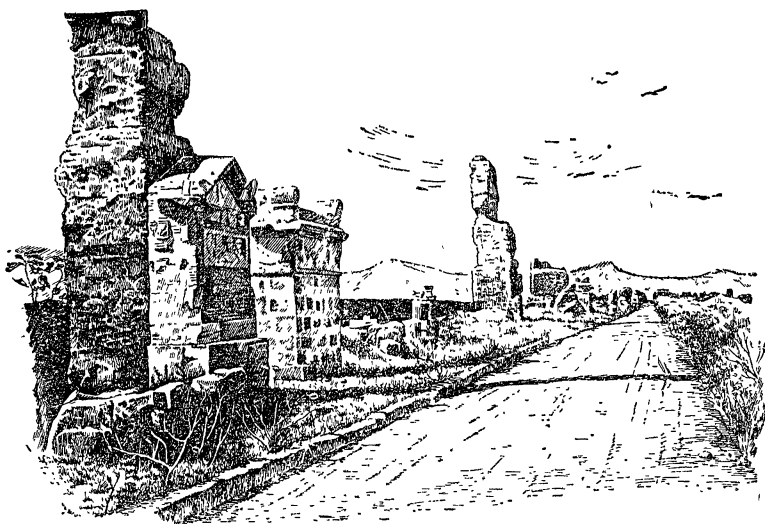
Так расправился рабовладельческий Рим с рабами, поднявшими оружие в борьбе за освобождение угнетённых. Так закончилась гражданская война, которая велась во имя интересов трудящихся и была справедливой, освободительной борьбой против угнетателей.

Восстание Спартака продолжалось несколько лет. Оно охватило большую территорию, вовлекло много тысяч рабов в активную вооружённую борьбу против рабства. По всем направлениям пересекли отважные отряды восставших Италию, вселяя страх в рабовладельцев. Не один римский аристократ бежал в ужасе из своей роскошной виллы под защиту городских стен. Восстание было массовым. Тысячи рабов, присоединившиеся к войску Спартака, впервые за долгие годы вздохнули полной грудью, ощутили себя людьми, не говорящими орудиями, не живым товаром, а борцами, свободными и грозными для врагов. И в сердцах тех, кому не удалось с оружием в руках встать под знамёна Спартака, зарождалась и крепла надежда на избавление от невыносимых и унижительных условий жизни. Восстание оказало очень большое революционизирующее воздействие на огромные массы рабов.

Чего же хотели восставшие? Во имя чего поднимались они на неравную борьбу? До нас не дошло никаких, программных документов повстанцев, да их, быть может, и не было. Однако цель восстания ясна: рабы вступили в борьбу за свободу, за возможность вернуться на родину, за право жить, не зная над собой бича надсмотрщиков, за

Аппиева дорога (современный вид)

право трудиться для себя и для своих близких, за своё человеческое достоинство. Величие их дела состояло в том, что они старались вовлечь в борьбу как можно больше своих угнетённых и обездоленных собратьев, мечтали о полном ниспровержении общества, построенного на рабстве, на захватнических, грабительских войнах, на бесчеловечной эксплуатации, на уничтожении многих тысяч человеческих жизней, на превращении миллионов людей в живой товар, в человеческий скот, обречённый на беспросветный, изнуряющий труд на других. Это была великая борьба, и цель её была светла и благородна, но такая борьба была в тогдашних условиях обречена на неудачу. Стремясь к личному освобождению, рабы не могли выработать такую революционную программу, которая объединила бы и сплотила широкие массы эксплуатируемых. Рисовавшийся их воображению идеал общественного строя был слишком неясным. Во времена Спартака ещё не созрели исторические условия, которые могли бы привести к уничтожению рабства. В этом была историческая ограниченность восстаний рабов, и в этом была причина поражения. Восставшие рабы, говоря словами В. И. Ленина, «никогда

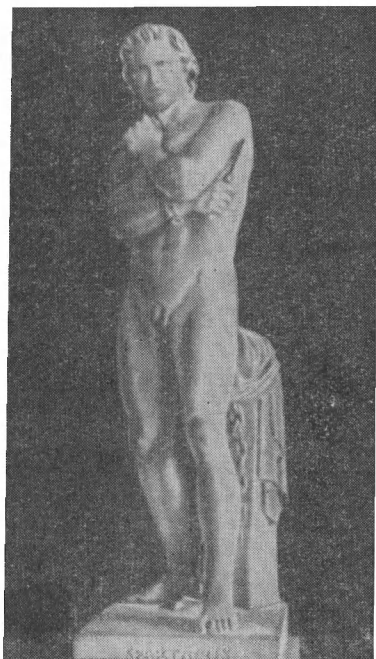
не могли создать сознательного большинства, руководящего борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут», да и сама их цель была в сущности недостижима.

В самом деле, восстание Спартака пришлось на тот период, когда рабовладельческий Рим находился в полном расцвете своих сил и военного могущества. С другой стороны, даже такое мощное восстание, как восстание Спартака, оставалось движением одних рабов. Несмотря на то, что в рядах спартаковцев встречались и свободные люди, всё же другие группы эксплуатируемых (например, крестьяне Италии) в своей основной массе не пошли за Спартаком, не поддержали его. Сказалось, наконец, и отсутствие полного единства среди самих повстанцев, недостаточность их организованности и дисциплины — ведь в самые решительные моменты от Спартака, как мы видели, откалывались многочисленные отряды, которые пытались продолжать борьбу на свой страх и риск.

Но было бы неправильно считать, как это делают многие буржуазные учёные, что восстание Спартака не имело крупного исторического значения, что оно было вызвано порывом отчаяния и прошло, не оставив следов. Напротив, великое восстание рабов под руководством Спартака сыграло исключительно важную роль в истории последних десятилетий республиканского Рима. Долго не забывали о нём римские рабовладельцы, и ещё через четыреста с лишним лет, когда волны рабских восстаний, на этот раз объединённых с другими группами угнетённых внутри Римской державы и с нашествиями пограничных племён, уже угрожали самому существованию Рима, рабовладельцы помнили «войну рабов, самую ужасную из всех, какие только выдерживали римляне», и надеялись, что новую опасность удастся устранить подобным же образом. Но в этот раз они просчитались. В V в. н. э. восставшие рабы, действуя вместе со всеми угнетёнными и опираясь на помощь племён, живших за пределами Римского государства, ниспровергли рабовладельческий строй и погребли под его развалинами Римскую империю, целиком основанную, по выражению В. И. Ленина, на рабстве.

Велики были и непосредственные результаты спартаковского восстания. Урок грозного потрясения не прошёл даром для римских рабовладельцев. Основы римского об-

щества были поколеблены. Хозяйство рабовладельцев Италии сильно пострадало. Многие крупные поместья рабовладельцев были уничтожены или разорены, количество рабов заметно уменьшилось, во многих местах земли пустовали и некому было их обрабатывать. Наиболее дальновидные или просто наиболее пострадавшие в ходе восстания рабовладельцы начинают постепенно вносить некоторые изменения в своё хозяйство. Ещё в большей степени, чем прежде, они стремятся подбирать себе рабов из разных племён, чтобы затруднить угнетённым самую возможность сплотиться и объединиться на новую борьбу. Желая иметь побольше рабов, выросших в доме хозяина, многие разрешают своим рабам иметь семью. Некоторые шли дальше и, желая создать для рабов хотя бы видимость облегчения их участи и в то же время возможно быстрее восстановить разрушенное хозяйство, раздавали мелкие участки земли своим рабам, расселяя их между мелкими свободными арендаторами, число которых тоже быстро росло. Разумеется, не все рабовладельцы и не сразу вступают на этот путь, но во всяком случае именно со времени спартаковского восстания количество крупных земельных владений, обрабатываемых рабами, находящимися на казарменном положении, в Италии начинает сокращаться, сначала весьма медленно, а затем всё быстрее. Правда, не во всех случаях земли, прежде входившие в состав крупных землевладений, сдают мелкими участками в аренду или сажают на такие

Спартак
(скульптура Фуатье)

участки рабов. Многие рабовладельцы предпочитают разводить на своих землях большие стада скота, для присмотра за которыми требовалось сравнительно мало рабов.

Но римские рабовладельцы ответили на восстания рабов конца II и I вв. до н. э. не только такими мерами. Эти восстания привели в первую очередь к усилению жестокого террора по отношению не только к рабам, но и ко всем демократическим силам Рима. В ходе подавления восстания Спартака Римская республика особенно ярко обнаружила свою неспособность обеспечить интересы рабовладельцев. После расправы с восстанием на очередь дня становится в Риме вопрос о замене республики военной диктатурой рабовладельцев.

После подавления восстания Спартака огромный подъём, революционный энтузиазм и самые пламенные надежды угнетённых сменяются ещё большей подавленностью и унынием. Отлив революционной волны создаёт благоприятные условия для появления иных настроений, порождённых бесправностью и безнадежностью положения многих тысяч людей. Последовавшее вскоре установление военной диктатуры, затруднение отпуска рабов, жестокие репрессии по отношению к каждому, кто пытался улучшить свою участь путём борьбы,— всё это создаёт вскоре после смерти Спартака обстановку, способствующую зарождению и распространению религиозных учений, призывающих к покорности и переносящих все надежды на освобождение в потусторонний мир. Поражение Спартака открыло путь христианству, освящающему гнёт и эксплуатацию как справедливое наказание за грехи людей и обещающему страждущим и обременённым равенство и освобождение только на небесах.

Историческая заслуга Спартака не умаляется его гибелью. «Великий полководец,— говорил о нём К. Маркс,— благородный характер, истинный представитель античного пролетариата». Одним из самых выдающихся героев одного из самых крупных восстаний рабов называет его В. И. Ленин, подчёркивающий, что «Спартак поднял войну для защиты поработенного класса». И светлый облик Спартака, славного вождя древних рабов, не забыт трудящимися. Память о великой борьбе, которой он и его соратники отдали все свои силы, жива в широких массах простых

людей во всём мире. Спартаку посвящали свои произведения скульпторы и драматурги, художники и поэты. Неизменной любовью читателей пользуются произведения художественной литературы, героем которых является Спартак и его воины. Многотысячными тиражами расходуется в нашей стране книга итальянского писателя XIX в. Рафаэлло Джованьоли, переведённая на многие языки. Советскому читателю знаком и роман современного прогрессивного американского писателя Говарда Фаста, посвящённый Спартаку.

Через две тысячи лет после событий, описанных в этой книжке, немецкие революционные рабочие, создавая ядро своей Коммунистической партии, присвоили ей имя Спартака. Традиции союза «Спартак» и сейчас вдохновляют рабочий класс и все прогрессивные силы Германии на борьбу за единство, мир и демократию.

Особенной популярностью пользуется имя Спартака в нашей стране. Советские люди бережно хранят память о тех, кто отдал жизнь за дело освобождения трудящихся, видят в них подлинных народных героев. Многие граждане Советского Союза носят имя славного борца за свободу. Во многих городах и рабочих посёлках именем Спартака названы улицы, площади и парки. Одно из самых популярных добровольных спортивных обществ носит это же имя; спартакиадами называют трудящиеся нашей страны массовые физкультурные состязания, и, быть может, лучшим памятником Спартаку и его соратникам является то, что его именем названы эти праздники молодости, смелости и здоровья трудящихся нашей великой Родины.

КАРЫШКОВСКИЙ Пётр Осипович

ВОССТАНИЕ СПАРТАКА

*

Редактор *А. Белявский*

Оформление художника *С. Сергеева*

Художественный редактор *Г. Семиреченко*

Технический редактор *Ю. Мухин*

Ответственный корректор *Р. Кухаренко*

*

Сдано в набор 29 сентября 1956 г.

Подписано в печать 9 ноября 1956 г.

формат 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 2. Условн. печ. л. 3, 28.

учётно-изд. л. 2, 97. Тираж 100 тыс. экз.

А 12548. Заказ № 2279. Цена 70 коп.

Государственное издательство

политической литературы.

Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

Министерство культуры СССР.

Главное управление полиграфической промышленности.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова.

Москва, Ж-54, Валовая, 28.

70 коп.

ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1956